ЭД МАКБЕЙН

CRIME

Златовласка

Эд Макбейн

Красавица и чудовище

Серия «Мэттью Хоуп», книга 4

OCR Денис
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130792
Эд Макбейн. Златовласка: Центрполиграф; Москва; 1994
ISBN 5-7001-0179-3
Оригинал: EdMcBain, “Beauty and the Beast”

Аннотация

Уже на первых страницах Мэттью Хоуп встречается с красавицей Мишель Харпер. Кто же окажется чудовищем, адвокат Хоуп узнает, расследовав тайну ее гибели. Облитая бензином, она была сожжена заживо на одном из пляжей Флориды. Все улики изобличают ее мужа. Он арестован, но бежит из-под стражи… Найти убийцу прекрасной Мишель пытается Мэтттью Хоуп, неповторимый герой всемирно известного американского писателя.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 20
Глава 3 54
Глава 4 82
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Эд Макбейн
Красавица и чудовище

Глава 1

В Калузе, штат Флорида, пляжи меняют облик в зависимости от времени года. Широкая полоса чистого, белого песка к ноябрю превращается в узкую ленту непривлекательной смеси, состоящей из морских водорослей, ракушечника и перекрученного плавника. Сезон циклонов наводит здесь ужас не только на домовладельцев, чья собственность может быть разрушена бешеным порывом урагана, в это время года может быть нанесен непоправимый ущерб всему побережью Мексиканского залива.

Неподалеку от Калузы расположено пять островков, но только три из них – Стоун-Крэб, Сабал и Уиспер – протянулись с севера на юг, параллельно береговой линии. Фламинго и остров Люси выступают из воды громадными ступенями, соединяя материк сначала с Сабалом, а затем с островом Стоун-Крэб. Этот остров больше других страдает от губительных осенних ураганов, поскольку он самый низкий. Стоун-Крэб – наиболее узкий из этих островков, его когда-то великолепные пляжи десятилетиями разрушались ветром и водой. В сентябре двуполосное шоссе на острове Стоун-Кр-

эб совершенно скрывается под водой, бухта с одной стороны и Мексиканский залив с другой смыкают свои волны над ним. Тогда по острову можно передвигаться только одним видом транспорта – на лодке.

Пляжи Сабала страдают меньше других от капризов циклонов, – возможно, потому, что такова *воля* Всевышнего. На Сабале стражи порядка старательно отводят глаза в сторону, когда подъезжают к так называемым «нудистским» пляжам. Правда, *не совсем* «в сторону». На Сабале женщинам разрешается купаться в море или резвиться на пляже без лифчиков. Но стоит только хоть на мгновение выставить на всеобщее обозрение детородный орган, мужской или женский, – как из-под земли, на дороге, ведущей к пляжу, появляется белая полицейская машина с синим клеймом «Город Калуза» на боковой дверце и облаченный в форму служитель закона с серьезным видом устало тащится по песку (голова опущена, глаза внимательно изучают неровности почвы – но, упаси Боже! – *не* преступную лобковую дорожку) и незамедлительно производит арест, ссылаясь на закон, который был принят в 1913 году, когда Калуза официально получила статус города.

Мой партнер Фрэнк, переехавший сюда из Нью-Йорка, упрямо доказывает, что толкование полицией этого специфического закона лишний раз свидетельствует об узости кругозора здешних жителей. Нагота есть нагота, утверждает Фрэнк, не бывает она частичной. Пора бы жителям Калузы

проявить больше свободомыслия и позволить посетителям пляжей радоваться солнцу au naturel,[1] говорит Фрэнк, столь строгое соблюдение закона вызвано тем, что отцам города приходится считаться с взглядами пуритански настроенных граждан, которые прибыли на Юг из непроходимой глубинки: Огайо, Индианы или Иллинойса. Вот в чем причина такого половинчатого решения, если верить теории моего партнера – Фрэнка Саммервилла. По-моему, Фрэнк представления не имеет, где *находятся* Огайо, Индиана или Иллинойс. Где-то там, на Севере. Слева от Нью-Йорка. Ему, конечно, известно, что сам я уроженец Иллинойса, – точнее, я родом из того невероятно наивного и непроходимо скучного городишки, который называется Чикаго. Конечно, я – неотесанный деревенщина и поэтому, очевидно, способен по достоинству оценить красоту обнаженной женской груди при ярком свете солнца и возблагодарить Господа за эту маленькую радость. Фрэнк и я – адвокаты. Так же, как и Дейл О'Брайен.

Дейл – женщина. Но этим далеко не все сказано. Это женщина с острым, как скальпель хирурга, умом, и для нее не составляет труда обратить в бессвязный вздор показания самых дерзких и враждебно настроенных свидетелей в зале городского суда. Кроме того, она – исключительно красивая женщина. Рост – 5 футов 9 дюймов, рыжие волосы (ей приятнее, когда о них говорят «цвета опавших листьев»), зеленые, как болотная трава, глаза и великолепная кожа, кото-

[1] В естественном виде (фр.).

рая, в полном противоречии со сказками наших старых тетушек, не желает приобретать цвет вареных раков под яркими лучами солнца, а покрывается ровным и очень красивым загаром. Я познакомился с Дейл в январе, мы встретились с ней на профессиональной почве. Наша связь пережила ежегодную стремительную атаку северных «дроздов»,[2] их отлет в начале мая, угнетающую жару и влажность летних месяцев и проливные осенние дожди, которые смыли все, что еще уцелело от пляжей Стоун-Крэба, но чудесным образом пощадили пляжи Сабала. Мы провели прошедшую ночь вместе в арендуемом мною доме, проснулись около полудня и отправились позавтракать в новый ресторан под названием (пророческим, как мы единодушно решили) «Касперс Ласт Стенд»:[3] он неминуемо прогорит еще до конца месяца, если недожаренная яичница – единица измерения его успеха. И вот под ярким ноябрьским солнцем мы катили по северной оконечности Сабала, исполненные благодарности тропическому циклону «Глория» за причудливые перемены его настроения и за чудесный субботний день, который так необычен для этого времени года.

На Дейл было зеленого цвета бикини, более темного оттенка, чем ее удивительные глаза, сейчас скрытые большими солнечными очками, на мне – подрезанные выше колен и обтрепанные белые джинсы. У меня не было ни малейшего

---

[2] Snowbirds – дрозды и наркоманы (англ.).

[3] «Последняя стоянка Каспера» (англ.).

желания лезть в воду, хотя температура воздуха в это утро была необыкновенно высокой для ноября – 62 градуса по Фаренгейту (или 17 градусов по Цельсию, как назидательно объяснил нам телеоракул), а температура воды в Мексиканском заливе – на два градуса выше. Я не первый год живу в Калузе и рассуждаю уже как местный житель: осень наступает 21 сентября, а после этого в воду лезут только одуревшие от наркотиков «дрозды».

– Я просто маменькина дочка, вот с чем дело, – заявила Дейл.

– Нет, ты очень смелая, – возразил я.

– Брось, Мэттью, будь у меня хоть крупица мужества, я бы сняла лифчик.

– К мужеству это никакого отношения не имеет, – резонно заметил я.

– А тогда к чему? Неважно, не объясняй. Сейчас это сделаю.

– Так вперед.

– Сделаю. Только погоди минутку.

– Подожду, сколько скажешь.

– Мне достаточно минуты.

– Прекрасно.

– Я на самом деле сниму его, Мэттью.

– Знаю, знаю.

– Ты мне не веришь, но я сниму.

– Верю, верю.

– Нет, не веришь.
– Честное слово. Поверь мне, я тебе верю.
– Вот увидишь.
– Увидят *все*.
– Ну вот, опять ты меня запугиваешь.
– Извини, – сказал я.

Мы подошли к самой кромке прибоя, чтобы не вляпаться в собачье дерьмо; в Калузе законы, запрещающие брать собак на общественные пляжи, проводятся в жизнь далеко не так строго, как «антинудистский» закон. По всему пляжу носились, высунув язык, бегали и прыгали собаки самых разных пород: лабрадоры и немецкие овчарки, таксы и пудели, боксеры и эскимосские собаки, шотландские овчарки и шпицы, бассеты и коротконогие гончие, доберманы и чихуахуа, самые разные беспородные дворняги – просто ветеринарный реестр многообразного собачьего племени. И куда ни посмотришь, взгляд натыкается на обнаженные груди: напоминающие по форме яблоко и грушу, размером с грейпфрут и сливу, цвета баклажан и молодых побегов кукурузы, крепкие, как гранаты, и сморщенные, как чернослив, с сосками как бобы какао и с сосками как вишни – просто рай для вегетарианцев.

– Если *она* может, то я подавно смогу, – прошептала Дейл.

Слова ее относились к женщине, которая, сняв лифчик, плескалась в море, а теперь выходила из воды. На ней были только ярко-красные трусики, которые героически пытались

прикрыть ее поистине необъятных размеров живот, напоминающий арбуз, и широкие, похожие на дыни, ягодицы. Груди ее (чтобы не повторять метафор из лексикона зеленщика) по цвету напоминали серо-коричневое коровье вымя и свисали почти до талии, бесстыдно колыхаясь на ярком солнце. Плюхнувшись на одеяло шагах в трех от волн, лениво накатывавших на берег, она с таким видом стиснула руками свои бесценные сокровища, будто была до смерти рада, что не потеряла их в волнах океана.

– Рискну, – сказала Дейл.

– Давай.

– Сейчас.

Она в самом деле завела руки за спину, чтобы развязать тесемки своего лифчика, но в этот момент что-то привлекло ее внимание. За темными стеклами очков мне не было видно выражение ее глаз, но совершенно точно она смотрела на берег, что-то там заинтересовало ее: руки, согнутые в локтях, так и замерли за спиной, как крылья изящной чайки, парящей в воздухе. Я проследил за направлением ее взгляда и увидел потрясающе красивую женщину, такой красавицы мне не приходилось встречать.

В первый момент я подумал, что она голая. Потом понял, что черный треугольник внизу ее живота – не лонное эхо длинных черных волос, покрывающих ее плечи, а крошечная полоска бикини. Ей было не больше двадцати двух – двадцати трех лет, такого же роста, как Дейл, и с такими соблаз-

нительными формами, что в сравнении с ней Дейл, которая прекрасно сложена, казалась чуть ли не угловатой. Женщина, которая шла по пляжу, где у каждого тела свой оттенок бронзового совершенства, казалась вырезанной из алебастра, молочную белизну ее изящного лица обрамляли волны иссиня-черных волос, ее грудь, казалось, ослепительно сияла под горячими лучами солнца, широкие бедра округло выступали из тесной полоски бикини, – мерцающий черно-белый мираж с каждой секундой приближался к нам, я увидел светло-серые глаза на этом неправдоподобно прекрасном лице, ощутил запах мимозы, когда она проходила мимо, – и видение исчезло.

– Вот это да! – воскликнула Дейл.

* * *

Женщина, которую мы видели на пляже, пришла в мой кабинет в понедельник утром, в четверть десятого. На ней были синие джинсы в обтяжку, белая майка и солнечные очки. На ее руках, где их не прикрывали короткие рукава майки, были страшные синяки. Переносицу ее изящного носа украшал лейкопластырь. Когда она сняла очки, я увидел, что под глазами синяки, а один глаз заплыл и почти не открывался. Разбитые губы распухли. Когда она заговорила, стали видны дырки в тех местах, где положено иметь зубы.

– Меня звать Мишель Харпер, – представилась она. – Вы

должны простить меня с моим английским.

В ее английском безошибочно угадывался французский акцент Голос низкий, хриплый, что как-то не вяжется с обликом столь молодой женщины.

– Вас посоветовала, – продолжала она, – Салли Оуэн.

Я молча кивнул.

– Вы делали ей развод, – добавила она.

– Да, помню.

– Она говорит мне, вы узнаете, что делать.

– Чем я могу быть вам полезен?

– Я хочу, чтобы арестовали моего мужа.

Я пододвинул поближе к себе стопку желтой разлинованной бумаги, взял карандаш.

– Как его имя?

– Джордж Харпер.

– Х-а-р-п-е-р?

– Oui. Mais le'George, il est sans… pardon.[4] «Джордж», без «и» на конце, он americain.[5]

– Джордж Харпер.

– Oui, exactement.[6]

– Почему вы хотите, чтобы его арестовали?

– Вот что он сделал мне. Il a… он сломал мне нос, выбил три зуба… dents? Зубы?

---

[4] Да. Не «Джорджи», это без… извините (фр.).

[5] Американец (фр.).

[6] Да, верно (фр.).

– Да, зубы. Когда это случилось, миссис Харпер?

– Прошлой ночью. Regardez,[7] – сказала она и вдруг задрала свою майку, обнажив грудь. Она не носила лифчика. Груди, безупречным совершенством которых я любовался в субботу на пляже, были сейчас сплошь покрыты страшными синяками. – Это он сделать мне, – сказала она, опустив майку.

– Вы звонили в полицию?

– Когда он уходить, вы хотите сказать?

– В какое время это произошло?

– В два часа.

– В два часа утра?

– Oui. Я не звонила в полицию. Боялась, вдруг он вернется. Не знача, что делать. Поэтому после завтрака я иду повидать Салли.

– В котором часу?

– Девять часов. Не знаю, что делать, vous comprenez?[8] Она говорит мне, я должна иметь адвоката. Она говорит, Джордж уехавший, понимаете, поэтому у меня нет доказательства… доказательство?

– Да, доказательство.

– Oui, это он, это он делает со мной такое. Она говорит, сначала надо видеть адвоката.

– Может, Салли и умелый косметолог, но не очень опытный адвокат. Вам надо было сразу же обратиться в полицию.

---

[7] Взгляните (фр.).

[8] Понимаете? (фр.).

Но и сейчас не поздно, не волнуйтесь. Я не занимаюсь уголовными делами, понимаете.

– Oui, но Салли говорит мне…

– Да в любом случае помощь адвоката нужна не вам. Если то, что вы рассказываете, правда, адвокат скоро потребуется вашему *мужу*…

– О, это правда, bien sur.[9]

– У меня нет причин сомневаться в ваших словах.

Я потянулся к книжному шкафу, стоявшему за моей спиной, и достал указатель к четырехтомному своду «Законодательных актов штата Флорида», которые у нас называют коротко «Ф.З.». Мишель наблюдала, как я перелистываю страницы, разыскивая сначала раздел «Словесное оскорбление и угроза действием», потом – «Оскорбление действием» и, наконец, – «Жестокое обращение супруга» и записываю на желтых листочках номера томов и разделов. Сначала я зачитал ей выдержку из раздела 901.15.

– «Блюститель порядка имеет право арестовать физическое лицо, не имея ордера на арест, – провозгласил я, – когда у блюстителя порядка имеются достаточно веские основания считать, что это лицо нанесло оскорбление действием личности супруга, и блюститель порядка находит доказательства телесных повреждений». – Я поднял на нее глаза. – У вас, конечно, такие доказательства имеются. По меньшей мере, сотня свидетелей сможет подтвердить, что в субботу

[9] Конечно (фр.).

вы выглядели иначе.

– Pardon?[10] – вопросительно подняла она брови.

– На пляже в Сабале.

– Хорошо, – согласилась она.

– Итак, у нас есть основания требовать, чтобы вашего мужа взяли под стражу без ордера на арест. Сейчас отправимся в полицию, вот только посмотрю, что… – Я перелистал страницы, вернувшись к разделу 794.03, в котором разъясняется, что такое «Оскорбление действием». Молча прочитал несколько строк, а потом, глядя на нее, процитировал: – «Физическое лицо наносит оскорбление действием, если оно: а) фактически и преднамеренно касается другого лица против его воли или наносит ему побои…»

– Да, так он это и делает.

– …или: «б) преднамеренно причиняет телесные повреждения другому лицу…» – Я снова посмотрел на нее. – Оскорбление действием – мелкое преступление, давайте посмотрим, что ему за это полагается.

– Полагается?

– Какое наказание.

– Ах, да.

Я вернулся к разделу 775.082, в котором определяется наказание за судебно наказуемый проступок первой степени.

– Вот, – сказал я, отыскав нужный раздел. – Ему грозит тюремное заключение сроком не более года.

---

[10] Простите? (фр.).

– Только год? За то, что он делает мне?

– Давайте посмотрим, что там предусматривается по статье «Угроза действием», – предложил я и вернулся к разделу 784.011. Я молча пробежал его глазами, а потом прочитал отрывок: – «Угроза действием есть преднамеренная противозаконная угроза словом или действием с целью произвести насилие над другим лицом…»

– Да, он делал это насилие.

– «…соединенное с очевидной способностью произвести такие…»

– Он очень сильный, Джордж.

– «И совершение действия, которое вызывает вполне обоснованный страх другого лица по причине неизбежности и неотвратимости насилия».

– Он – monstre, – с жаром воскликнула она. – Un monstre veritable.[11]

– И в таком случае это всего лишь судебно наказуемый проступок второй степени, – объяснил ей я. – Если ваш муж будет признан виновным по обеим статьям, «Угроза действием» добавит только шестьдесят суток к его приговору.

– А когда он выйдет из тюрьмы? Когда пройдет год? И шестьдесят суток? Он тогда убьет меня, нет?

– Видите ли… для начала пусть его арестуют, ладно? И хорошо бы устроить так, чтобы он снова не избил вас, когда его отпустят под залог.

---

[11] Чудовище… настоящее чудовище (фр.).

– Что такое этот залог?

– После того как вашему мужу предъявят обвинение, судья может отпустить его под залог до судебного разбирательства…

– *Отпустить?*

– Да, если он внесет определенную сумму денег, которую установит суд по собственному усмотрению. Это гарантия того, что он явится на судебное разбирательство. У нас это называется «быть отпущенным под залог». Уверен, что у вас во Франции такой же порядок.

– У нас во Франции нет мужчин, которые так делают, – возразила она.

Я вспомнил, что Франция – родина маркиза де Сада, но из чувства милосердия не стал ей возражать.

– Ну, вперед! – сказал я. – У нас много дел.

Полицейский участок в Калузе имеет название «Служба общественной безопасности». Как утверждает мой партнер Фрэнк, это очередная попытка властей представить город респектабельным. Эвфемизм ясный и простой. Фрэнк настаивает на том, что следует называть вещи своими именами и что именовать полицейский участок Службой общественной безопасности все равно что называть мусорщика инженером по санитарной профилактике.

Во всяком случае, так это здание называется – «Служба общественной безопасности». Чтобы ни у кого не возникало сомнений, этими словами украсили низкую стену перед

входом в здание. Далеко не столь заметны слова «Полицейское управление» на табличке справа от коричневых металлических дверей, их отчасти скрывают разросшиеся кусты (все это, как нарочно, подтверждает справедливость теории моего партнера). Само здание построено из разнооттеночного желтовато-коричневого кирпича, его суровый фасад украшают только узкие окна, напоминающие смотровые щели в стене оружейного склада. Такие окна – не редкость в Калузе. Летом здесь такая жарища, что при больших окнах не будешь знать, куда спрятаться от зноя и нестерпимого блеска солнечных лучей.

В отделе, который занимается телесными повреждениями, Мишель написала жалобу, обвинив своего мужа Джорджа Н. Харпера, проживающего вместе с ней по Уингдейл-Уэй, 1124, в том, что он в воскресенье, 15 ноября, в 23.45, нанес ей словесное оскорбление и своими действиями причинил следующие телесные повреждения: сломал нос, поставил синяки под оба глаза, разбил губы, выбил три зуба и нанес многочисленные удары по рукам, ногам и груди. Офицер, который принимал жалобу, заверил нас, что полиция немедленно примется за розыски ее мужа и нам дадут знать, как только они его задержат.

Через десять минут мы покинули полицейский участок и отправились назад, к нашей конторе, около которой Мишель оставила на стоянке свою машину – «фольксваген-битл» неизвестно какого года выпуска. На прощанье она произнес-

ла: «Merci, monsieur, vous etes tres gentil».[12] Я заверил ее, что все будет в порядке и что арест ее мужа для полиции всего лишь вопрос времени, его задержат и предъявят ему обвинение по всем пунктам. Мишель спросила меня, что случится, если его отпустят под залог, и я пообещал подать прошение в суд о необходимости содержания его в тюрьме из-за жестокого обращения с женой. Скорее всего суд удовлетворит эту просьбу, если она подаст на развод или если уголовные обвинения будут приняты к исполнению. Я пообещал ей позвонить, как только получу известие из полиции, и в любом случае – завтра утром, просто, чтобы узнать, как у нее дела.

Мне так и не пришлось ей позвонить.

В семь часов утра во вторник первым позвонил мне домой детектив Морис Блум и сообщил, что на пляже Уиспер-Кей, приблизительно в тридцати ярдах от павильона, найдена мертвая женщина, в которой опознали Мишель Харпер. Ее руки и ноги были связаны проволокой, и она, очевидно, сгорела заживо.

[12] Спасибо, мсье, вы были очень любезны (фр.).

Глава 2

До этого случая мне не приходилось бывать в морге.

В кино служитель, одетый с ног до головы в белое, выкатывает контейнер, родственник покойного смотрит на тело, а служитель осторожно сдергивает простыню с лица покойного; затем родственник, заливаясь слезами, опознает труп, после чего служитель задвигает контейнер на место – вот и все. В кино морг выглядит так. В реальной жизни морг – помещение, в котором трудится множество патологоанатомов в перепачканных кровью зеленых хирургических халатах. Они зашивают вскрытые черепа или изучают содержимое извлеченного из трупа желудка. Морг – это груды мертвого мяса на холодном металле хирургических столов, кровь с которых стекает по узким желобам в резервуары на конце стола. Морг – место, где человека лишают последних покровов и он наконец занимает отведенное ему место среди представителей животного мира: три фунта мозга и шесть фунтов сердца. Морг – непереносимое зловоние расчлененной плоти, запах разложения, который проникает, кажется, не только в ноздри, но в каждую клетку тела. Мишель Харпер отчаянно боролась, пока ей скручивали проволокой руки и ноги, а затем пламя пожирало ее тело. Противоестественно использовать слова «застывшее от холода» при описании положения ее обугленного тела, но оно было так деформирова-

но и застыло в такой неестественной позе, какую человек не может принять в нормальных условиях. Она умерла в страшных муках, тело ее выражало эти муки более наглядно, чем самый подробный отчет патологоанатома.

– В десяти футах от нее найдена пустая канистра для бензина на пять галлонов, – сказал Блум. – Сейчас эта канистра в лаборатории, проверим, нет ли на ней каких-нибудь отпечатков. Тот, кто это сделал, не пожалел бензинчика.

У Мори Блума рост 6 футов 3 дюйма, а теперь, после того как он забросил диету, весит он, должно быть, не меньше двухсот тридцати фунтов, этакий громила с несоразмерно большими суставами пальцев, как у уличного забияки, вытянутое лицо, не раз перебитый нос, косматые черные брови и темно-карие глаза с поволокой, из которых, казалось, вот-вот польются слезы – серьезный недостаток для полицейского.

– Это точно она? – спросил я.

– На песке рядом с телом найдены ее одежда и сумочка, в ней кошелек и водительские права. Это означает, что она отправилась на пляж по доброй воле. Женщина не возьмет с собой сумочку, если ее волокут куда-то силком. Мы все еще не нашли ее мужа, этого Джорджа Н. Харпера. Как я понимаю, вы с ней заглядывали вчера к нам, подавали жалобу. О муже пока ни слуху ни духу. Ты не знаешь, что означает буква «Н» после его имени? Она случайно не говорила тебе?

– Нет. А зачем тебе? Это важно?

– Просто любопытно, – ответил Блум, пожав плечами, – не так уж много мужских имен начинается с «Н». Норман? Натан? А ты что предложишь? Чтобы начиналось с «Н»?

– Нельсон, – добавил я.

– Ага, Нельсон, верно, – согласился Блум.

Трудно себе представить, что можно обсуждать такие вопросы здесь, стоя у металлического стола, на котором лежало обуглившееся и страшно изуродованное тело Мишель Харпер, в окружении обнаженных и расчлененных трупов, в трупном смраде, от которого у меня уже начинала кружиться голова.

– И Нейл тоже подходит, – сказал Блум.

– Да, Нейл тоже.

– Во всяком случае, – заключил Блум, – мне чертовски хотелось бы найти его. Если исходить из того, что я прочитал в ее заявлении…

– Нам обязательно разговаривать здесь? – спросил я.

– Что? Ах, ты имеешь в виду эту вонь. Я, наверное, привык к ней, столько времени провел в моргах, – это называется профессиональным риском, кажется, так? Когда только начинал работать детективом, не здесь, а на Лонг-Айленде, так я все время мыл руки. Возвращался из морга и по десять – двенадцать раз мыл руки, чтобы избавиться от вони. Вот посмотришь, Мэттью, ты сегодня не раз станешь мыть руки. Давай выйдем отсюда.

Мы присели на низкую белую ограду, окружавшую боль-

ницу. Солнце ярко светило, воздух благоухал ароматом цветов и трав, но я все еще ощущал трупный запах.

– Должно быть, простудился, – сказал Блум, доставая носовой платок из заднего кармана. Он старательно высморкался, а затем продолжил свой рассказ: – Я переехал во Флориду, потому что здесь, как мне казалось, трудно простудиться. Но болею здесь гораздо чаще, чем когда жил на Севере. Доказательство налицо. – Он сунул платок в карман. – Я позвонил тебе, потому что ты приходил вчера вместе с ней в участок…

– Верно.

– Чтобы подать жалобу.

– Да, – подтвердил я, кивнув.

– Так она твоя клиентка, правильно?

– Со вчерашнего утра – да.

– Но не раньше?

– Нет.

– Ты впервые встретился с ней вчера утром?

– Да. Не совсем так. В субботу я видел ее на пляже.

– Вот как? Обсуждал с ней там ее проблемы?

– Нет, нет. Понятия не имел, кто это. Она просто прошла мимо меня.

– Но ты вспомнил ее, когда она пришла вчера в твою контору, верно?

– Да. Она была очень красивой женщиной, Мори.

– Ага, – согласился он и покачал в раздумье головой. –

Отвратительно все это, правда? Я прочитал в участке ее заявление, ее избили до полусмерти. А теперь ее тело находят на пляже: она сгорела заживо. Тебе это не кажется случайным совпадением?

– Нет.

– Мне тоже. Поэтому мне очень хочется найти ее прекрасного муженька. Парень просто исчез с лица земли, и это неспроста, верно?

– Да.

– Убийство – вещь серьезная, вот он и скрывается, – сказал Блум. Подумав несколько секунд, он продолжал: – Пожалуй, вот что сделаю, Мэттью: в сообщении для прессы, радио и телевидения не стану упоминать о том, что в ночь на воскресенье ее жестоко избили. Я тебя очень прошу тоже никому не говорить об этом. Муж ее убил или *кто-то* другой – ему не следует знать о том, что в ночь накануне убийства ее избили. Об этом будет знать только тот, кто ее изувечил. Не хотелось бы, чтобы он заранее позаботился об алиби, а он его себе обеспечит, если узнает, что нам известно об этом. На время убийства у него будет алиби, можешь не сомневаться. А на ту ночь, когда ее избили, может, и нет, – если только мы не проболтаемся. Так что давай держать язык за зубами, ладно? Никому ни слова о том, что в ночь на воскресенье Мишель избили до полусмерти.

– Буду нем как рыба, – пообещал я.

– Вот и хорошо, – сказал Блум.

* * *

Он позвонил мне в четыре часа дня, когда мы с моим партнером Фрэнком принимали посетителей. Некоторые находят, что мы с Фрэнком похожи. Несомненно, это те самые люди, которые уверяют, что муж с женой приобретают необыкновенное сходство, прожив бок о бок достаточно солидный отрезок времени. Не верю, что похож на свою бывшую супругу, с которой состоял в браке четырнадцать лет, как не верю и тому, что мы с Фрэнком хоть чуточку похожи.

Рост у меня 6 футов, а вес – 190 фунтов. Фрэнк на два с половиной дюйма ниже меня и на тридцать фунтов легче. Правда, оба мы темноволосые, с карими глазами, но лицо у Фрэнка более округлое. Фрэнк утверждает, что на всем белом свете имеется только два типа лиц: свиные рыла и лисьи морды. Себя он относит к свиным рылам, а меня – к лисьим мордам. Определения эти не имеют ничего общего ни с характером, ни с личностью; они служат исключительно только для описания внешности. Но мне казалось, что в этот день Фрэнк ведет себя решительно по-свински. Вышагивая по кабинету, он рассуждал о том, что одно дело – пойти с молодой женщиной в полицейский участок и помочь ей составить жалобу, и совсем другое дело – оказаться замешанным в дело об убийстве; и Фрэнка тревожило, что сегодня я уделял этому слишком много времени.

– Зачем это Блуму понадобилось звонить утром именно *тебе?* – допрашивал он меня, вышагивая по комнате. – Почему он захотел, чтобы *ты* увидел это тело? Наш долг – вести обычные житейские дела любого клиента, которому понадобится наша помощь. И вдруг я узнаю, что ты – в Центральной больнице, любуешься трупом.

– Ты что думаешь, мне очень *хотелось* разглядывать этот труп?

– Тогда с какой стати ты *отправился* глазеть на него?

– Потому что Мишель Харпер была моей клиенткой…

– *Одной* из клиенток, – прервал меня Фрэнк, закатив глаза. – Еще парочка таких клиенток, как Мишель Харпер, – и придется закрывать контору. У нормальных людей все наоборот, Мэттью. Главное, Мэттью, – это *дело,* которым мы с тобой занимаемся, и твое время – деньги. Если ты предпочитаешь попусту тратить время, носиться сломя голову по городу и разглядывать мертвецов…

В этот момент из приемной раздался звонок Синтии.

Синтия Хьюлен – уроженка Флориды, у нее длинные белокурые волосы и великолепный загар, над поддержанием которого она трудится с упорством фанатика. Каждый уикэнд Синтия или на пляже, или в море на лодке. Несомненно, она – самый красивый сотрудник адвокатской конторы «Саммервилл и Хоуп».

Ей двадцать пять лет, и она работает у нас секретарем. У нее уже есть степень бакалавра гуманитарных наук и если бы

она сдала экзамен на адвоката, мы в ту же минуту взяли бы ее к себе в контору. Но каждый раз, как мы заговариваем на эту тему, Синтия со смехом уверяет нас, что не может думать без содрогания об учебе. Она одна из самых милых девушек, которых я знаю, и наделена к тому же острым умом, ровным характером и прекрасным чувством юмора. Сейчас она мне сообщила, что по шестому каналу звонит детектив Морис Блум. Я нажал кнопку на пульте и сказал:

– Привет, Мори.

– Привет, Мэттью, – отозвался он. – Парень у нас.

– Прекрасно, – ответил я, глядя в противоположный угол комнаты. Фрэнк испепелял меня взглядом, услыхав, что я разговариваю с Блумом. Сейчас он стоял, скрестив на груди руки, и выразительно смотрел на меня. – Где вы его нашли?

– Он сам пришел к нам. Сказал, что провел несколько дней в Майами, узнал о том, что случилось с его женой, из выпуска новостей по радио, когда возвращался домой. Я хотел бы задать ему несколько вопросов, но тут возникла проблема.

– Какая проблема?

– У него нет адвоката, а он хочет, чтобы при допросе присутствовал адвокат. Я предложил ему подобрать адвоката, но он подозревает в этом какой-то подвох. Так вот я и подумал… если у тебя найдется минутка… Может, ты подъехал бы к нам и поговорил с ним, может, он согласится принять тебя. Только для предварительного допроса, Мэттью. Что ты

решишь потом – если мы предъявим ему обвинение, – целиком и полностью твое дело. Что скажешь?

– Когда я тебе нужен?

– Как только сможешь приехать сюда.

Я посмотрел на Фрэнка.

– Дай мне десять минут, – попросил я.

– Договорились, до встречи, – ответил Блум и повесил трубку.

Я медленно опустил трубку на рычаг. Фрэнк все еще пристально и сердито смотрел на меня.

– Что ему понадобилось? – спросил он.

– Джордж Харпер у них. Мори просил меня защищать его интересы на предварительном допросе.

– Черт бы его побрал, – выругался Фрэнк.

Мне не приходило в голову, что Джордж Н. Харпер мог оказаться негром. Салли Оуэн, та женщина, по просьбе которой год назад наша фирма готовила бракоразводный процесс, та женщина, по совету которой Мишель обратилась ко мне, была черной, – но даже в Калузе встречаются белые, имеющие черных друзей. И адрес Мишель, Уингдейл, 1124, не заставил меня насторожиться, интуиция изменила мне на этот раз. Уингдейл-Уэй находилась в «черном» районе города, который многие из белых жителей старшего поколения все еще называют «цветным» районом, а политические круги Калузы – «Новым городом». Я просто не уловил связи между этими фактами.

Я всегда испытывал неловкость, употребляя слово «черный», как называют себя сами негры. Полагаю, это такой же ни о чем не говорящий ярлык, как «белый», «желтый» или «красный», но до этого вторника мне никогда не приходилось встречать такого «черного» человека, в цвете кожи которого не было ни малейшего оттенка коричневого. Джордж Н. Харпер был чернее угля, темнее безлунной ночи, он был черный, как траур. Он был самым черным из всех черных на свете. И самый громадный. И самый уродливый.

Когда я, открыв дверь, вошел в кабинет капитана полиции в здании Службы общественной безопасности, этот «черный» ходил взад-вперед по комнате. Он тут же повернулся лицом ко мне – испуганный гигант ростом около шести футов четырех дюймов и весом не меньше 350 фунтов. На нем были синие потрепанные джинсы с подтяжками, синяя хлопчатобумажная рубашка и коричневые кожаные рабочие башмаки. У него были широченные плечи и бочкообразная грудь, лицо в оспинах, приплюснутый нос и толстые красные губы, африканская стрижка, слезящиеся карие глаза, которые уставились прямо на меня из-под широченных бровей, чудовищные кулаки сжались, когда он обернулся, – просто вылитый портрет застигнутого врасплох неандертальца.

– Мистер Харпер? – спросил я.

– Вы адвокат? – спросил он вместо ответа.

– Я – Мэттью Хоуп, – ответил я, протянув руку. Он не шевельнулся.

– А для чего это мне адвокат? – сказал он. Его глаза внимательно изучали мою физиономию.

– Мистер Блум сказал мне, что будет вас допрашивать…

– Не убивал я ее.

– Никто и не говорит, что это сделали вы.

– А тогда зачем мне адвокат?

– Вы имеете право на адвоката, если таково ваше желание. Разве мистер Блум не разъяснил вам ваши права?

– Чего?

– Вы можете, если захотите, потребовать адвоката. Или можете вообще отказаться отвечать на вопросы, если таков ваш выбор. Все зависит от вас.

– Вас «фараоны» прислали?

– Не понимаю, о чем вы.

– Вы из тех адвокатов, которых они мне совали?

– Нет, я не из тех, кого назначают решением суда.

– Так, по-вашему, мне здесь нужен адвокат?

– Это уж как хотите. Если вы имеете какое-то отношение к убийству вашей жены…

– Нет.

– Это точно?

– Точно.

– Потому что, если вы…

– Говорю вам, я не делал этого.

– Вы понимаете, что любое ваше слово, все, что вы скажете здесь, в полиции, позднее может быть использовано как

свидетельские показания? Вам это понятно? Если вы обманываете меня, мистер Харпер, советую вам хранить молчание, советую вам не отвечать ни на один вопрос.

– Я не вру. Не убивал я ее.

– Уверены на все сто процентов в своих словах?

– На всю сотню.

– Так как вы хотите вести себя?

– Если я *не стану* отвечать на их вопросы, они решат, что это я убил ее.

– Не обязательно. Я потребую, чтобы в протокол внесли ваше заявление о полной непричастности к этому преступлению. В протоколе будет совершенно четко записано, что вы согласились отвечать на вопросы исключительно по своей доброй воле. Если таков ваш выбор. Вас уже ждут, что скажете?

– Ну что ж, пусть будет так, – решил Харпер.

Допрос (или «беседа», как принято называть это в благовоспитанной Калузе) проводился в кабинете Блума, по соседству с капитанским. Кроме Блума, Харпера и меня, там находился полицейский с магнитофоном фирмы «Сони». Харпер посмотрел на магнитофон, потом перевел взгляд на Блума и спросил:

– Хотите все записывать?

– Да, сэр, – подтвердил Блум.

– Все-все, что скажу?

– До последнего слова. Ваш адвокат объяснил вам, что эта

запись может быть использована в качестве свидетельских показаний?

– Да, вроде бы говорил. Это по правилам, чтобы все записывали? – спросил он меня.

– Если хотите отвечать на их вопросы, должна быть запись того, что вы скажете.

– Тогда ладно, – согласился Харпер.

Полицейский, занимавшийся магнитофоном, нажал кнопки «включение» и «запись». Он произнес для проверки несколько слов в микрофон, прослушал, перемотал пленку и снова нажал на кнопку «запись». Как положено по закону, Блум зачитал Харперу положение «Миранда – Эскобедо» и добился от Харпера ответов, что тот осведомлен о своих правах, понял, в чем они заключаются, и изъявил желание отвечать на вопросы полиции.

– Детектив Блум, – вмешался я, – хочу, чтобы совершенно четко было зафиксировано заявление моего клиента: ему ничего неизвестно относительно убийства его жены, он отвечает на ваши вопросы по своей доброй воле из желания помочь полиции.

– Ваши слова записаны на пленку, – сказал Блум и приступил к допросу. – Мистер Харпер, когда вы в последний раз видели свою жену живой?

– В субботу вечером.

– В котором часу в субботу вечером?

– Что-то около двух.

– Ночи?

– Да, сэр.

– Тогда правильнее было бы сказать: в воскресенье утром.

– По-моему, это было в субботу ночью.

– Где это было?

– Дома.

– Будьте любезны, назовите адрес.

– Уингдейл, 1124.

– Тогда в последний раз вы видели ее живой?

– Да, сэр. Как раз перед тем, как уехал в Майами.

– В два ночи?

– Да, сэр.

– Не кажется ли вам, что это не самое подходящее время отправляться в путешествие?

– Нет, сэр. С утра пораньше хотел приняться за работу.

– Зачем вы поехали в Майами?

– Хотел повидать маму. И сбросить груз.

– Груз – чего?

– Всякого старья. Это мой бизнес. Покупаю и продаю подержанные вещи.

– И вы поехали в Майами…

– Чтобы продать кой-какое старье. Одному парню, с которым веду там дела.

– Как его имя?

– Ллойд Дэвис. А вышло, что съездил впустую.

– В каком смысле?

– Не застал Ллойда на месте. Жена его сказала, что в этот уикэнд он на сборах, в армии. У него, понимаете, уходит на эти сборы пропасть времени. Он резервист. Я служил с Ллойдом в армии, за океаном. Вот там мы и свели знакомство.

– Но вы не застали его дома, когда в воскресенье приехали в Майами?

– Нет, сэр, его не было, мамы тоже не было дома. Соседка сказала, что она уехала в Джорджию, повидаться с моей сестрой.

– В какое время это было, мистер Харпер?

– Да совсем рано утром. На дорогу у меня ушло часов шесть приблизительно, да, что-то около этого, я бы сказал, было часов восемь, может, девять. Вот в это время приблизительно.

– И чем же вы занялись, когда обнаружили, что ни мистера Дэвиса, ни вашей матери нет в Майами?

– Пошел пожрать.

– Куда?

– Не помню, как называлась эта забегаловка. Такая кафешка рядом с дорогой.

– Вы завтракали в одиночестве?

– Да, сэр.

– Что потом?

– Позвонил одному армейскому корешу. Он – сержант, занимается с призывниками там, в Майами.

– А как *его* фамилия?
– Ронни Палмер.
– Вы позвонили ему…
– Из той кафешки, где ел.
– И о чем вы с ним говорили?
– Да так, ни о чем: как живешь, как дела…
– Что потом?
– Поехал в Помпано.
– Зачем?
– Решил, раз уж я тут поблизости, заеду заодно посмотреть, что там и как. Это ж, знаете, прямо за Лодердейлом.
– И сколько времени вы провели в Помпано?
– Да вполне хватило, чтобы оглядеться как следует.
– Потом что?
– Поехал дальше на север. К Веро-Бич.
– Зачем вы поехали *туда!*
– Чтобы поглядеть, как там.
– И ради этого проделали весь путь до Веро-Бич?
– А это не так уж далеко.
– Что-то около ста миль к северу от Помпано, так?
– Не так уж много.
– И сколько времени вы там провели?
– Пару часов, не больше.
– Потом что?
– Покатил обратно в Майами.
– И что делали там?

– Зашел перекусить, потом поехал на пляж. Чтобы поспать. Хотел было в мамином доме, да ее не было, а у меня нет ключей.

– Итак, вы спали на пляже.

– Да, сэр.

– В Майами.

– Майами-Бич, точно, сэр.

– И без пятнадцати двенадцать ночи вы находились на пляже?

– Проспал на пляже всю ночь, верно, сэр.

– Вы были на пляже ночью, в одиннадцать часов сорок пять минут?

– Мори, – прервал я его, – мне кажется, он уже ответил на этот вопрос.

– Если не возражаешь, Мэттью, мне бы хотелось уточнить время, – сказал Блум.

– Мистер Харпер, у вас нет возражений?

– Нисколечко. Я был на пляже ночью, в одиннадцать часов сорок пять минут, это точно, сэр. Всю ночь. Все было так, как я сказал.

– Майами-Бич, правильно? – переспросил Блум.

– Да, сэр, Майами-Бич.

– Так вас здесь не было, в Калузе, я правильно понял?

– Мори, – вмешался я, – он только что *ответил* на твой вопрос и *по меньшей мере* четыре раза повторил это…

– Хорошо, хорошо, – успокоил меня Блум и обратился

снова к Харперу. – Мистер Харпер, – сказал он, – известно ли вам, что ваша жена подала на вас жалобу в калузское отделение полиции и обвинила вас в нанесении ей тяжких физических увечий? Как написано в заявлении, это произошло в одиннадцать часов сорок пять минут, в воскресенье ночью, пятнадцатого ноября.

– Что? – воскликнул Харпер и, отвернувшись от Блума, посмотрел на меня.

– Известно ли вам об этом? – спросил Блум.

– Нет, сэр, я *не знал* об этом, – ответил Харпер. – Как мог я… повторите, *что,* вы сказали, будто бы я сделал с ней?

– В жалобе указывалось, что вы сломали ей нос и…

– Нет, сэр, в этой жалобе все вранье.

– Она написана вашей женой.

– Нет, сэр, Мишель не могла так поступить. Нет, сэр.

– Мистер Харпер, когда вы уехали из Майами?

– Этим утром.

– Поточнее, – когда именно «этим утром»?

– Наверное, около десяти часов.

– И вы приехали прямо сюда, в полицейский участок, когда вернулись в Калузу, правильно?

– Прямехонько.

– Почему вы не вернулись домой вчера? Ведь вашего компаньона не оказалось на месте…

– Ллойд мне не компаньон. Он просто мой кореш по армии, с ним у меня дела, вот и все.

– Но его не было?

– Верно.

– И вашей матери – тоже.

– Верно.

– Тогда зачем вы остались в Майами? Почему вы не отправились домой вчера утром?

– Я решил, может, Ллойд вернется.

– Он *вернулся?*

– Нет, сэр.

– Так зачем вы там остались?

– Думал, может, еще вернется.

– Угу. Как давно вы женаты, мистер Харпер?

– В следующем июне было бы два года.

– Ваша жена иностранка…

– Да, сэр.

– Где вы с ней познакомились?

– В Бонне, в Германии. Я служил в военной полиции в Бонне.

– Когда это было?

– Вы спрашиваете меня, когда я с ней познакомился?

– Да.

– В этом месяце будет два года. Познакомился с ней в ноябре, а женился на следующий год, в июне.

– Вы поженились в Германии?

– Нет, сэр, здесь, в Калузе.

– Каким, по-вашему, был этот брак? – спросил Блум.

– Я без памяти любил ее, – ответил Харпер и вдруг, закрыв лицо руками, зарыдал.

Тишину, воцарившуюся в комнате, нарушал только шелест магнитофонной ленты, бесстрастно фиксировавшей скорбь Харпера. Он сидел в кресле, которое казалось слишком хрупким для его громадной фигуры, его широкие плечи сотрясались, бочкообразная грудь вздымалась от рыданий; закрыв руками изуродованное оспинами лицо, он безуспешно старался справиться со своим горем. Казалось, Харпер никогда не успокоится. Издаваемые им звуки напоминали стоны раненого животного, нашедшего укрытие в глубине джунглей, где уже ничто не могло причинить ему боль и только луна была немой свидетельницей его страданий. Мало-помалу его рыдания наконец иссякли; он полез в задний карман джинсов и, вытащив довольно грязный носовой платок, вытер глаза, потом нос и неподвижно замер в кресле, шмыгая носом и устало опустив плечи. Похоже, в этом громадном теле не осталось ни капли жизненных соков.

– Мистер Харпер, – заговорил мягко Блум, – вы утверждаете, что в воскресенье утром были в Майами, потом ездили в Помпано и Веро-Бич, а затем в тот же день, позднее, опять вернулись в Майами, так?

– Да, сэр. – Голова Харпера все еще была опущена, как будто он старался разглядеть что-то на своих башмаках.

– Кто-нибудь видел вас в этих местах?

– Меня видела масса народа.

– А мог бы кто-нибудь подтвердить, что вы действительно были там, *куда,* по вашим словам, *поехали!*

– Только жена Ллойда да еще мамина соседка.

– Но это было в воскресенье утром.

– Да, сэр.

– А что скажете о воскресной ночи?

– Нет, сэр, в воскресенье вечером не видел никого из знакомых.

– А в понедельник?

– И в понедельник – никого.

– Совсем никого?

– Нет, сэр.

– Мистер Харпер, вы настаиваете на том, что не находились здесь, в Калузе, в воскресенье вечером? Уверены, что не вернулись сюда?..

– Я должен заявить протест, Мори. Он уже ответил тебе на этот вопрос. В воскресенье вечером Харпер был в Майами, он уже сказал тебе об этом.

– Тогда как ты объяснишь ту жалобу, которую подала на него в понедельник утром его жена?

– Ты и *меня* допрашиваешь, Мори? Если так, лучше бы тебе зачитать параграф относительно моих прав.

Блум тяжело вздохнул.

– Мистер Харпер, – обратился к нему детектив, – вы убили свою жену, Мишель Бенуа Харпер?

– Нет, сэр, я не делал этого, – ответил Харпер.

– Ладно, большое спасибо. Хотите что-нибудь добавить?
– Не убивал я ее, – произнес Харпер прямо в микрофон.

* * *

Мы с Дейл никогда не произносили слов «я люблю тебя».

Мне известно, что Дейл когда-то была страстно влюблена в одного художника, с которым познакомилась в Сан-Франциско, когда проходила там адвокатскую практику. Я также знаю, что они были вместе в течение двух лет и она болезненно переживала их внезапный разрыв, который, казалось, свел на нет все, что было между ними. В январе прошлого года, когда мы только начали встречаться, она много рассказывала мне об этом художнике. Сейчас Дейл о нем не вспоминает. Но и не говорит, что любит меня.

Я со своей стороны слишком часто пользовался этими словами в корыстных целях. Мне 38 лет, и в годы юности, проведенной в Чикаго, я был лишен всех тех сексуальных удовольствий, которыми наслаждается сегодняшняя молодежь. Мне было семнадцать, когда сексуальная вседозволенность шестидесятых только начала зарождаться, ее расцвет уже не коснулся меня. Поэтому значительная часть моей юношеской энергии уходила на лихорадочную разработку хитроумных планов, как добраться до сокровищ, надежно укрытых под девичьей блузкой; каждую пуговку приходилось отвоевывать в жарком бою, сопротивление было не

менее ожесточенным, чем у вьетконговских дивизий, охранявших дорогу на Ханой. Как, усыпив бдительность противника, незаметно пробраться в вожделенную крепость, бдительно охраняемую юбкой, да к тому же еще и трусиками. Как скрыть от взоров шокированных сограждан последствия возбуждения, охватывавшего меня неизменно при виде любой девушки, как ни скромны были ее внешние данные. Я просто сходил с ума, завидев девичью грудь, бедра, задик, меня переполняла любовь ко всем представительницам женского пола, даже если это были настоящие уродины. И вот в этих ожесточенных сражениях, преодолевая опаснейшие препятствия на пути к вожделенной вершине, я совершил открытие: слова «я люблю тебя» порой совершали чудеса; «я люблю тебя, Харриет, Джин, Хелен, Мелисса», – а между тем мои пальцы с бешеным нетерпением преодолевали злобное сопротивление пуговиц и дьявольское упорство застежек лифчиков, изобретенных какой-то ненормальной ученой бабой. «Я люблю тебя, Джойс, Луиза, Алиса, Роксана!» То было время поясов с резинками и нейлоновых чулок, вскоре уступивших место колготкам, изобретенным, несомненно, той же самой сумасшедшей бабой в той же лаборатории. И трудно представить, какая лихорадка охватывала меня, если действительно удавалось коснуться этих таинственных чудесных местечек. Окна отцовского «олдсмобиля» затуманивались от учащенного дыхания мужского натиска и непреклонного женского сопротивления. «Я люблю

тебя, Анджела, Ширли, Минг Той, я люблю всех вас!»

Я пользовался этими словами как мелкой разменной монетой на рынке, где не было покупателей.

Я постиг их истинный смысл позднее, когда познакомился со Сьюзен и по-настоящему влюбился в нее. Вскоре она стала моей женой. Те три слова, которые, как представлялось мне, не стоят и пенни в английском языке, оказались весьма дорогостоящим товаром, какой язык ни возьми. И речь идет не об алиментах, которые ежемесячно выплачиваю Сьюзен – 24 тысячи долларов в год с учетом возрастания прожиточного минимума, – не в этом дело! Я сейчас говорю о чувстве болезненной незащищенности, об утрате собственного «я», чтобы сделать возможным совместное существование. Мы стали друг для друга надежными партнерами и прожили вместе много счастливых лет. Большинство разведенных, как мужчины, так и женщины, с легкостью забывают о том счастье, которое объединило их когда-то, в памяти остается только плохое. Наша со Сьюзен беда состояла, очевидно, в том, что, став надежными партнерами, мы перестали быть любовниками. И однако наша фирма процветала в течение четырнадцати лет, в результате ее деятельности на свет появилась Джоан, моя ненаглядная девочка, радость моей жизни, длинноногая красавица, очень похожая на мать, моя дорогая дочурка, которую я обожаю, но с которой мне разрешают видеться только раз в две недели и, кроме того, проводить с ней половину ее школьных каникул.

Когда жена превращается только в партнера, и не более того, внезапно, как призрак давно прошедших лет, возникает другая женщина, возвращаются забытые прогулки рука об руку по берегу озера при лунном свете, оживают юношеские воспоминания о лихорадочных ласках на заднем или на переднем сиденье машины, и слово «любовь» в один прекрасный день озаряет жизнь мужчины с захватывающей дух внезапностью – как вспышка молнии в ночи, – вот тогда фирма оказывается неплатежеспособной, а добротный твид и вельвет, поставляемые с Седьмой авеню, уступают место нежному шелку тайной любовной связи. И брак распадается. «Я люблю тебя, Эгги», – так звали эту женщину, Агата Хемингз. Теперь она разведена и живет в Тампе, в основном по причине все той же ослепительной вспышки молнии, после которой не осталось ничего, кроме засохших и увядших без живительной влаги растений.

Итак, наше настороженное отношение – Дейл и мое собственное – к словам «я люблю тебя», наверное, вполне понятно. А может быть, нам не надо произносить их вслух. Если то, что соединяет нас, – не любовь (а что же это тогда, черт побери!), то, по меньшей мере, это вполне приемлемое факсимиле. Мы испытываем неподдельную радость при встрече, болтаем без умолку, как сороки, и дело совсем не в том, что, по воле случая, у нас общая профессия, мы готовы обсуждать любые проблемы нашей Солнечной системы – а солнца в Калузе, штат Флорида, в избытке! Мало этого, в ее присут-

ствии мне все труднее контролировать свои действия. Мне все время хочется дотронуться до нее. Когда мы с ней вечером идем куда-нибудь поразвлечься или отправляемся в гости, я просто не в силах совладать с собой. Иной раз в ресторане я наклоняюсь через столик, чтобы убрать с ее щеки прядь волос цвета опавших листьев. Я прикасаюсь к ее пальцам, к ее руке, стараюсь незаметно коснуться ее тела, когда подаю пальто; мне кажется, я жадно поглощаю исходящую от нее энергию, мне просто необходимо постоянно ощущать ее близость. Мой партнер Фрэнк утверждает, что мир делится на «прилипал» и «чечеточников»; Фрэнк обожает все расставлять по полочкам. Я уверен в одном: никогда в жизни мне не приходилось работать на публику, конечно, если не брать в расчет безумств моей юности, когда я готов был заключить в объятия даже игуану, только бы утихомирить сжигавший меня жар. Я не в силах дать разумное объяснение этому неодолимому желанию постоянно физически ощущать близость Дейл. Сама Дейл утверждает, что виной всему цвет ее волос – солнечного восхода и заката. Волосы у нее рыжие, блестящие, с очень красивым оттенком, а в ложбинке между ног – белокурые. И вот, поскольку я посвящен в ее тайну, говорит она, то, естественно, сгораю от желания прикоснуться не к безответной плоти ее щеки или локтя, а к той сладостной тайне, что скрыта за этими золотистыми вратами. Во времена ее собственной беспокойной юности, говорит Дейл, эта «золотая ловушка», как она порой

ее называет, воспламеняла не одного энергичного ухажера, и это удивительное несоответствие цвета ее волос внушало им беспримерную страсть. Вот и для меня тоже, говорит Дейл, прикосновение к ее телу – своего рода пробная репетиция перед премьерой на Бродвее. Дейл 32 года, она – истинное дитя шестидесятых и обсуждает вопросы секса более откровенно, чем все «чечеточники», вместе взятые. (Фрэнк называет «чечеточниками» тех, кто избегает длительных связей, кому не нужны близкие отношения.)

Той ночью я подробно рассказал Дейл о вчерашней встрече с Мишель Харпер, о последовавшем затем убийстве (об этом событии Дейл прочитала в «Калуза джорнел», но ей и в голову не пришло, что речь идет о той красавице, которую мы видели в субботу на пляже), о предварительном допросе мужа Мишель и о том, что у него не было сколько-нибудь убедительного алиби на тот отрезок времени, когда Мишель сначала зверски избили, а потом сожгли заживо. Дейл выслушала мой рассказ, – мне всегда нравилось, как напряженно-внимательно она слушает, не отрывая от меня своих изумительно красивых зеленых глаз, – а затем, кивнув головой, перевернулась на спину (мы лежали в постели), чтобы зажечь сигарету. Она усвоила все обстоятельства дела, дала им соответствующую оценку и теперь, как опытный адвокат, отыскивала те детали, которые могли бы свидетельствовать в пользу Харпера. Выпустив к потолку струйку дыма (я догадался, что сигарета была с марихуаной), Дейл задумчиво

произнесла:

– Если бы это был *в самом деле* Харпер, по-твоему, у него было бы заготовлено… – И тут зазвонил телефон.

Я не раз сожалел, что как-то, в минуту умопомрачения, дал Мори Блуму номер домашнего телефона Дейл на Уиспер-Кей. Сейчас она подняла трубку, послушала несколько секунд и со словами: «Тебя, Мэттью», протянула ее мне, а сама уселась на кровати, скрестив ноги, закрыв глаза и глубоко вдыхая дым сигареты.

– Слушаю, – сказал я.

– Мэттью, это Мори. Извини за столь поздний звонок.

– Ничего, ничего, все в порядке, – успокоил я его, на что Дейл скорчила рожицу.

– Появились кой-какие новые данные, и, по-моему, ты должен быть в курсе, – сказал он. – Помнишь, я говорил тебе о той пустой канистре на пять галлонов, которую мы нашли на пляже?

– Да?

– Так вот, мы проверили на бензоколонке, где обслуживают грузовичок Харпера, да и «фольксваген» его жены. Это рядом с их домом, сразу же за углом. Мы решили, что это самое подходящее место, чтобы купить канистру, и нам повезло. Бензоколонка называется «Эй энд Эм Эгзон», она на углу Уингдейл и Пайн. Короче говоря, тамошний служитель – черный парень по имени Гарри Лумис – в субботу утром, часов в семь – в половине восьмого, налил Харперу полную

канистру бензина. А кроме того, он продал Харперу пустую канистру на пять галлонов. По просьбе Харпера он и налил в нее бензин. Красная канистра, как та, что мы нашли на месте преступления. – Блум помолчал. – Мэттью, – заговорил он снова, – мы привезли этого парня сюда и показали ему эту канистру. Лумис сказал, что эта та самая, которую продал Харперу в субботу утром.

– Да как можно отличить одну красную канистру от другой?

– Постой, дай докончить. Десять минут назад мне позвонили из лаборатории, – так вот, позволь мне вернуться немного назад ладно? Ты помнишь, что сегодня днем, до того как уехать из полицейского участка, Харпер дал согласие, чтобы у него сняли отпечатки пальцев, сказал, что ему нечего скрывать, помнишь? Ты присутствовал при этой процедуре.

– Да, помню.

– Так вот, мы переслали эти отпечатки пальцев в лабораторию, где их сличили с теми, которые обнаружены на канистре, и десять минут назад мне позвонили из лаборатории. Отпечатки на канистре принадлежат Харперу. И это *единственные* отпечатки пальцев на канистре, Мэттью. Одного только Харпера и больше никого.

– Ты звонишь, чтобы выслушать мое мнение, Мори? Так вот оно. Во-первых, Харпер купил эту канистру для бензина…

– И велел наполнить ее, Мэттью.

– Да, в семь – в половине восьмого утра, в субботу. Потом он вернулся домой и провел дома весь субботний день. Вполне вероятно, что он не отнес ее в гараж, а оставил где-то около дома. Сам он в два часа ночи на *воскресенье* уехал в Майами. Если он оставил канистру около дома, кто угодно мог ее использовать…

– Но на ней обнаружены его отпечатки пальцев, Мэттью.

– Естественно, так и должно быть. Если он брал эту канистру в руки…

– А куда подевались отпечатки пальцев Лумиса? Парня, который продал ему эту канистру, парня, который налил в нее бензин?

– Не думаешь ли ты, что Харпер стер отпечатки пальцев служащего бензоколонки, а потом совершил убийство и забыл стереть свои собственные отпечатки? Давай дальше, Мори.

– Люди начинают паниковать, Мэттью. У меня и прежде бывали случаи, когда убийца оставлял на месте преступления изобличающие его доказательства. Был у меня один парень, который задушил проститутку, пока трахался с нею. В этот момент он, естественно, был голым, понимаешь? Так он оставил на месте преступления свою рубашку с вышитыми на ней его инициалами. Убежал оттуда босиком, в одних штанах, а рубашку с инициалами Р. и Д. оставил. До сих пор помню эти буквы. Как видишь, такое случается сплошь и ря-

дом, Мэттью. Как раз все объяснимо: человек испугался до смерти. И убийства, как правило, совершают не профессионалы, – если, конечно, это не заказное убийство.

– Это все несущественные детали, Мори. Человек покупает канистру, наливает в нее бензин…

– У меня есть свидетель, который видел их на пляже в понедельник ночью, Мэттью.

– Какой свидетель?

– Один рыбак поставил лодку на якорь как раз неподалеку от пляжа. Он видел, как белая женщина и черный мужчина дрались на берегу.

– По его описаниям это – Харпер?

– Весьма вероятно. Громадный черный парень боролся с обнаженной белой женщиной.

– Но он опознал *Харпера?*

– Мы сейчас привезем сюда Харпера. Думаю, тогда и проведем опознание.

– Так зачем ты звонишь *мне,* Мори?

– Потому что, если эта процедура будет иметь положительные результаты, мы предъявим Харперу официальное обвинение в убийстве. Послушай, Мэттью, я понимаю, что у нас не самые убедительные доказательства…

– А что думает прокурор?

– Он считает, если этот человек сумеет опознать Харпера, у нас достаточно оснований предъявить обвинение.

– А если не сумеет?

– Посмотрим. Отпечатки пальцев Харпера на канистре; тот факт, что Харпер купил эту канистру за два дня до убийства; тот факт, что его жена была убита в тот день, когда подала на него жалобу, – всего этого, может, и недостаточно, чтобы без колебаний признать его виновным, но более чем достаточно, чтобы мы продолжили расследование. И это в том случае, если рыбак…

– Ты сказал «рыбак»?

– Ага. Утверждает, что видел, как они боролись там, на пляже, как парень выкрикнул ее имя. Он ведь не выдумал это, Мэттью. «Мишель» – редкое имя.

– Ты прав. Я все же не понимаю: зачем ты мне позвонил?

– Если Харпера опознают, Мэттью, окружной прокурор даст нам «добро», и тогда мы предъявим обвинение. Вот я и подумал, может, ты захочешь защищать его интересы на официальном допросе. На этот раз все всерьез, Мэттью.

– Я не веду уголовных дел, Мори…

– Знаю.

– Но, черт побери, прекрасно знаю, что посоветовать Харперу на этот раз. Если вы взялись за него всерьез.

– Если этот рыбак опознает его, дело пойдет всерьез.

– Тогда я посоветовал бы ему не отвечать ни на один ваш вопрос.

– Я так и думал. Но ведь кто-то должен подсказать ему это.

– Ты имеешь в виду меня?

– Ну да, тебя, если ты согласишься приехать. В этом про-

клятом указе Миранда – Эскобедо сказано, что мы обязаны обеспечить обвиняемому адвоката, если он просит об этом, но у нас здесь, в полицейском участке, адвокаты не водятся, ты же знаешь. Закон-то есть, да что толку, – понимаешь? Ты уже знаешь этого человека, ты прекрасно работал с ним сегодня, и, между прочим, я приношу тебе свои извинения за то, что все время препирался с тобой…

– Да ладно, Мори.

– Итак, если бы ты согласился продолжить это дело, все было бы не так уж плохо. Я имею в виду – для Харпера. Потому что, мне кажется, ему грозят серьезные неприятности и ему будет очень нужна помощь.

– Когда его к вам доставят?

– Пит Кеньон уже отправился на Уингдейл. Если только Харпер не смылся. Кеньон должен вернуться…

– По-твоему, Харпер может удрать?

– Мои прогнозы? Нет, Пит должен застать его дома. Нет, не думаю, что он удрал.

– Так когда его привезут?

– Наверное, минут через пять, если только Питу не придется повозиться с ним. – Блум помолчал. – Пит поехал не один, Мэттью. Я послал с ним две машины. Харпер убил свою жену…

– *Если…* – поправил я.

– Да знаю я, что нам предстоит еще доказать его вину. Но если опознание пройдет успешно, у нас будет более

чем достаточно оснований предъявить ему обвинение, и так оно и будет. Ты не согласился бы присутствовать при этом, Мэттью?

– Мне хотелось бы остаться *здесь,* – ответил я, – мне хочется остаться там, где я сейчас. Мне *здесь* очень нравится.

Дейл послала мне воздушный поцелуй.

– Что ж, решать тебе, – сказал Блум.

– Не задавай ему никаких вопросов, пока не приеду, – потребовал я.

– Неужели ты думаешь, что я стану? – обиделся Блум.

– Ты – нет, но ребята из отдела окружного прокурора могут оказаться чересчур настырными.

– Никаких вопросов, пока ты не приедешь, старина.

– И ты, конечно, понимаешь, что я посоветую ему не отвечать на твои вопросы?

– Конечно. На твоем месте я посоветовал бы ему то же самое. – Блум помолчал. – Так ты выезжаешь?

– Да, – со вздохом ответил я.

– Спасибо, Мэттью, – сказал Блум и повесил трубку.

Я посмотрел на Дейл.

– Имеет смысл, пожалуй, приобрести себе вибратор, – мечтательно сказала она.

Глава 3

Бенни Фрейд, пожалуй, самый известный адвокат по уголовным делам в Калузе. По словам моего партнера Фрэнка, это объясняется тем, что Бенни и сам похож на уголовника. Не знаю, как полагается выглядеть уголовникам. Мне как-то попала в руки книга по психиатрии, в которой были фотографии как шизофреников, так и вполне нормальных людей вроде нас с Фрэнком. Когда эти фотографии показали шизофреникам и попросили выбрать среди них те, которые им больше всего понравились, они безошибочно указали на фотографии шизофреников. Не знаю, что хотели доказать этим тестом.

Но наш задавала Фрэнк прав относительно того, что Бенни по внешности похож на уголовника, впрочем, может, это потому, что слишком много уголовников прибегают к его услугам, когда у них возникают нелады с законом. Лично мне кажется, что Бенни похож на кокер-спаниеля. Он крошечного роста – 5 футов 8 Дюймов самое большее, я бы сказал, хрупкого телосложения, у него продолговатое лицо, простодушные карие глаза и взлохмаченная каштановая шевелюра, в которую он каждые три-четыре минуты запускает пальцы. К тому же он непрерывно курит. В среду, в половине одиннадцатого утра он сидел в своем кабинете и попеременно то курил, то ерошил свои волосы. Похоже было, что прошлой

ночью ему не удалось как следует выспаться Очевидно, по той причине, что я вытащил его из постели в одиннадцать часов и уговорил поехать со мной в полицейский участок, где Лютер Джексон – тот рыбак, чья лодка стояла на якоре неподалеку от Уиспер-Кей в ту ночь, когда убили Мишель, – без колебаний опознал Джорджа Харпера. Именно этот человек, по его словам, преследовал ее на пляже. Опознание провели как положено: поставили в ряд шесть человек, пятеро из которых были полицейскими калузского отделения полиции. После опознания окружной прокурор допросил, – вернее, попытался допросить Харпера. Но мы с Бенни посоветовали ему не отвечать на вопросы.

В девять утра я поехал в суд, где проходило так называемое «предварительное слушание дела», которое проводят обычно на другой день после ареста обвиняемого и на котором определяют сумму залога. Однако в ноябре прошлого года Верховный суд штата Флорида установил новые правила: теперь даже тот, кому предъявлено обвинение в совершении тяжкого преступления, может быть освобожден под залог. Но суд вправе отказать в освобождении под залог, если суду представлены несомненные доказательства вины этого человека или презумпция его виновности не вызывает сомнений. Окружной прокурор может возражать против освобождения обвиняемого под залог; в этом случае прокурор предъявляет суду улики, достаточно убедительные, чтобы в соответствии с законом признать подсудимого виновным. В

конечном итоге суд решает вопрос об освобождении под залог по своему усмотрению.

Окружной судья, проводящий слушание, тут же объявил, что вопрос о залоге мне следует ставить перед федеральным судьей, который позднее будет проводить судебное разбирательство. Федеральный судья в ответ на мое ходатайство мог бы запросить немыслимую сумму залога – порядка полумиллиона долларов, но он счел возможным отказать мне, сославшись (хотя мог бы этого и не делать) на особо жестокий характер преступления. Джордж Харпер был препровожден в окружную тюрьму дожидаться решения Большого жюри: признает оно его виновным или освободит из-под стражи. Большое жюри должно было заседать в следующий понедельник 23 ноября.

– Позвольте мне рассказать вам кое-что о практике действия уголовного законодательства, – сказал Бенни, затянувшись сигаретой. – Уголовное законодательство включает в себя понятие виновности или невиновности. Вы можете возразить мне, что в бракоразводном процессе вопрос ставится таким же образом… Вас не задевает такое сравнение?

– Нисколько, – успокоил его я.

– Все равно, вы можете возразить мне, что бракоразводный процесс, – по крайней мере, во многих штатах – *также* включает в себя понятие виновности или невиновности. Но супругам, подавшим заявление о разводе, даже если один из них нарушил священные обеты (тут Бенни, убежденный хо-

лостяк, насмешливо улыбнулся, подняв глаза к небу)… не выносят обвинительного приговора, если, конечно, не брать в расчет обременительных алиментов.

– Что было бы весьма уместно, – возразил я.

– Пусть так, однако, как бы ни была велика вина одной из сторон в бракоразводном процессе, им не грозит ни тюремное заключение, ни смерть на электрическом стуле, что является высшей мерой наказания за убийство первой степени в нашем штате, а именно по этой статье предъявлено обвинение нашему другу Джорджу Н. Харперу. Кстати, что означает буква «Н»?

– Не знаю, – ответил я.

– Так вот, Мэттью, – продолжал Бенни, погасив окурок, и так старательно принялся приглаживать свои волосы, как будто хотел стереть с пальцев никотиновые пятна, – уверен, вы помните Кодекс профессиональной этики, согласно которому адвокат имеет право взять на себя защиту подсудимого, *невзирая* на свое личное мнение относительно его виновности или невиновности… Вы где заканчивали юридическую школу?

– На Северо-Западе, – ответил я.

– В таком случае вам, конечно, известен этот кодекс.

– Я знаком с ним.

– И адвокат имеет право защищать подсудимого, даже если уверен в его виновности.

– Да.

– Не будь этого Кодекса, тогда и человеку невиновному могли бы *отказать* в праве на надлежащую защиту, и вся наша законодательная система полетела бы в тартарары, и в этой справедливой стране вместе с адвокатами исчез бы и правопорядок. Цитирую: «Где кончается закон, начинается деспотизм», – по-моему, Оливер Уэнделл Холмс.

– В чем вы пытаетесь убедить меня, Бенни?

Он вынул из пачки, лежавшей на столе, еще одну сигарету чиркнув спичкой, зажег ее и, выпустив в потолок громадный клуб дыма, спохватившись, задул спичку.

– Так вот, Мэттью, – продолжал он, – если вы беретесь защищать клиента в уголовном процессе, – не имеет значения, верите вы или нет в его виновность, – тогда вы *намерены,* – и это также записано в Кодексе, Мэттью, – вы *намерены* отстаивать его интересы, как это определено законом нашей страны, чтобы только в результате беспристрастного судебного разбирательства выносилось решение о лишении человека жизни или свободы. Уверен в точности цитаты, хотя Кодекс у меня под рукой, можете сами проверить.

– Мне вполне достаточно ваших слов.

– Благодарю.

– И все же: о чем вы толкуете, Бенни?

– Мэттью, я весьма признателен вам за то, что прошлой ночью вы вытащили меня из постели. Так приятно появиться в два часа ночи в полицейском участке…

– Было только одиннадцать.

– А мне показалось, что два. Но не в том дело, подумаешь – не поспать ночь! Я в восторге от этих олухов из отдела окружного прокурора, слушать их речи – одно удовольствие, Мэттью. Не в этом дело. Кодекс дает мне *право* защищать человека, в виновности которого я уверен, но он не налагает на меня *обязательств* взяться за защиту. Уверен, что Джордж Н. Харпер виновен. А я уже много лет назад взял за правило никогда не защищать человека, в виновности которого уверен. Вот почему я так часто выигрываю уголовные дела. Поскольку защищаю только невиновных, мне чаще всего и *удается* добиться оправдательного приговора.

– Бенни…

– У меня еще одно твердое правило: не защищать человека, если он мне не по душе, даже *если* уверен в его невиновности. И я не в восторге от Джорджа Н. Харпера, не спрашивайте меня, почему. Вот поэтому, невзирая на глубокую благодарность за то, что вы посреди ночи вытащили меня из постели и заставили отправиться с вами в город, не позволив даже побриться, – должен отклонить ваше предложение защищать интересы мистера Харпера в этом деле.

– Бенни, ему нужен опытный адвокат, – сказал я.

– Вы и сами опытный адвокат, Мэттью.

– Я плохо разбираюсь в уголовном законодательстве.

– Тогда пусть это дело ведет защитник, которого назначит суд.

– Мне кажется, Харпер невиновен.

– Защитники, назначаемые судом, тоже, как правило, уверены в невиновности обвиняемых, – сухо произнес Бенни.

– Не в этом дело. *Знаю,* у них там есть опытные ребята, и мне лично очень нравится Дик Джоргенсон, но, черт побери, Бенни, они *так* завалены работой, что, боюсь, дело Харпера затеряется в этой кутерьме.

– Тогда защищайте его сами, – с невинным видом сказал Бенни.

– Ведь я даже не знаю, с чего начать.

– Начните с того, с чего начнет окружной прокурор, – посоветовал Бенни, погасив окурок. – Он построит обвинение на доказательстве того, на мой взгляд, убедительного факта, что Харпер убил свою жену. Прокурор соберет все улики и продемонстрирует, что у Харпера были мотивы для убийства, орудие убийства и благоприятные обстоятельства. Не знаю, когда это дело попадет в суд, список дел, назначенных к слушанию, сейчас забит до отказа, возможно, суд состоится только в начале следующего года. Так что у вас достаточно времени, чтобы собрать факты, которые докажут, что у Харпера не было ни мотива для убийства, ни орудия убийства, ни благоприятных обстоятельств. Если вы уверены в его невиновности, так именно это вы и должны доказать, Мэттью. И доказать весьма убедительно, чтобы спасти своего подзащитного от электрического стула.

– Не знаю, удастся ли мне это.

– Тогда, очевидно, вы сами не так уж уверены в его неви-

новности.

– Уверен, Бенни.

– Что ж, тогда принимайтесь за защиту. Убедите в этом присяжных.

– Вы отказываетесь помочь мне?

– Я уверен, что он виновен, – коротко ответил Бенни, закуривая очередную сигарету.

* * *

Было немало серьезных причин, по которым мне не следовало браться за защиту Джорджа Н. Харпера.

Прежде всего, я не вел уголовных дел и чувствовал, что могу ему больше навредить, чем помочь. Раздел 782.04 Федерального законодательства гласит: «Если убийство человека совершено с заранее обдуманным намерением и с целью умертвить его… такое преступление следует рассматривать как убийство первой степени и оно относится к тяжким уголовным преступлениям, караемым смертью, как это предусмотрено статьей 775.02». В разделе, определяющем наказание, есть ссылка на еще один раздел, озаглавленный: «Данные в поддержку смертного приговора»; в подразделе «Отягчающие вину обстоятельства» перечислены эти данные, под подзаголовком «При назначении наказания обстоятельствами, отягчающими ответственность, признаются», шел список этих обстоятельств: «Те же действия караются смертью,

если они повлекли за собой смерть потерпевшего и носили характер мучения или истязания или были совершены с особой жестокостью»; «Те же действия караются смертью, если они повлекли за собой смерть потерпевшего и были совершены хладнокровно, продуманно и преднамеренно, без каких-либо смягчающих обстоятельств морального или юридического плана».

Если окружной прокурор докажет, что Харпер действительно связал своей жене руки и ноги проволокой, а затем облил ее бензином и поджег, несомненно, такое преступление будут рассматривать как «хладнокровное, продуманное и преднамеренное», а также отнесут к разряду «носивших характер мучения или истязания или совершенных с особой жестокостью». Харперу грозила смертная казнь, и, хоть он упрашивал меня защищать в суде его интересы, сейчас я размышлял, не обратиться ли в суд с просьбой назначить ему адвоката более опытного в таких делах.

Во-вторых, так же, как и Бенни Фрейд, я не испытывал к Харперу нежных чувств. Я пытался понять свою беспричинную антипатию к этому человеку. Было ли это отголоском давних предубеждений, ибо я вырос в Чикаго, где черных и белых разделяет неприступная стена? Мне казалось, что дело не в этом. Первый урок расовой терпимости я получил в семнадцать лет, в ту пору, когда неустанно ухаживал за девушками любых религиозных убеждений, цвета кожи и темперамента. В школе, на уроках английского, я при-

метил удивительно красивую чернокожую девушку и однажды вечером пригласил ее в кино. После окончания сеанса угостил ее мороженым с содовой, а затем на отцовском «олдсмобиле», служившем мне для разных целей, повез в тихий уголок неподалеку от футбольного поля, где усиленно потчевал ее поцелуями с обязательным гарниром тех слов, которые всегда оказывали магическое действие: «я люблю тебя» (ее звали Офелия Блэр, – «я люблю тебя, Офелия», а моя рука неловко шарила у нее под юбкой). В экстазе я принялся умолять ее, чтобы она позволила «сделать это», потому что мне еще не приходилось заниматься «этим» с черной девушкой.

По правде говоря, я никогда не занимался «этим» и с белой девушкой, но в ту минуту это не имело ни малейшего значения. Самое главное заключалось в том, что она – черная, а я – белый. И какое удивительное приключение ожидало бы нас, если бы только она позволила спустить ей трусики и раздвинуть ноги, – я чувствовал себя современным Стенли, исследователем Африки. Мне и в голову не приходило, что своими словами я лишил ее индивидуальности, превратив в безликую представительницу черной расы, проявил полное равнодушие к Офелии как таковой, испытывая желание к ней только потому, что она была черной, и не проявил ни малейшего стремления узнать ее поближе. Я не мог понять, в чем дело, когда она опустила юбку, привела в порядок блузку и очень вежливо попросила: «Будь добр, отве-

зи меня домой». После этого вечера я не раз приглашал ее на свидания, а она всегда мягко, но решительно отказывалась. Я получил урок. Урок на всю жизнь. Может, я и не стал дальтоником (нереально требовать этого от белого человека), но никогда не строил своих отношений с людьми, будь то мужчина или женщина, основываясь на чисто случайном цвете кожи, а старался под этой защитной оболочкой разглядеть суть человека.

Так почему же мне не нравился Джордж Н. Харпер?

Может, потому, что он жутко уродлив. Сам я никогда не одерживал побед на конкурсах красоты, но громадный рост Харпера, его поразительная неуклюжесть, гориллообразная сутулость, угроза, – да, угроза, сквозившая в его взгляде, его позе, – огромные кисти рук, сами могучие руки, свободно болтавшиеся вдоль тела, первобытная сила, исходившая от него, весь его облик – внушали страх и заставляли меня неосознанно держаться от него подальше, если мы оказывались с ним в одном помещении. Я как будто боялся, что могу стать жертвой такого же страшного преступления, как его жена. И однако, если цвет его кожи не имел для меня никакого значения, тогда почему же мне так неприятен его физический облик? Разве только красавцы имеют право на беспристрастное судебное разбирательство? Разве Харпер не имел права на такую же честную и квалифицированную защиту, которая удовлетворила бы самого Роберта Редфорда?[13] Или

[13] Известный американский киноактер.

все-таки в глубине души я верил, что он *виновен,* и искал для себя оправданий, чтобы не браться за это дело, заранее лишая Харпера права на жизнь и свободу, на беспристрастный судебный процесс, покушаясь на те гарантии, которые закреплены законом за каждым гражданином этой страны. Нет, он невиновен. Я ощущал это каждой клеточкой своего тела. Он *невиновен,* черт побери! Я должен защищать его и *буду* защищать его!

Но, увы! Существовала еще одна причина, по которой я вынужден был сказать ему «нет». Если отбросить в сторону мою неопытность в делах такого рода, мою неприязнь к этому человеку, если даже не принимать во внимание эгоцентричность последней причины, тем не менее, оставалась подлинная и весьма основательная причина отказать ему.

Я собирался в отпуск.

Эгоистично, согласен.

А может, *не очень* эгоистично, если учесть, что Дейл запланировала свой отпуск на то же самое время, и наш совместный отпуск совпадал с каникулами Джоан по случаю Дня Благодарения, и мы втроем собирались отправиться в Мексику.

Не один месяц мы разрабатывали маршрут этого путешествия, консультировались с лучшим агентом бюро путешествий в Калузе (единственное развлечение в городе, где нет более сильных потрясений). У нас было намечено отбыть в Пуэрто-Вальларта через девять дней, в пятницу 27 ноября.

Провести четыре дня у Сэмуеля Торна, окружного судьи Калузы, вышедшего на пенсию, на его вилле, которую он приобрел в прошлом году. Затем мы собирались поехать в Мехико и вернуться домой в субботу 5 декабря. По правде говоря, наше путешествие должно было занять всего девять дней. И если учесть, что до Нового года, как полагал Бенни, дело не передадут в суд, – ничего страшного, если я пропущу девять дней.

Если, конечно, наплевать на тот неоспоримый факт, что окружной прокурор в течение этих девяти дней будет работать не покладая рук, чтобы собрать необходимые доказательства и затем посадить Харпера на электрический стул. Я надеялся, что Дейл, как человек взрослый, переживет известие об отмене отпуска. Но Джоан недавно исполнилось четырнадцать, и она уже мечтала написать сочинение за следующий семестр о своих «приключениях» в Мексике, а также купила себе новое бикини. Факт немаловажный, если учесть, что она собиралась обновить его в бассейне на Камино-Риал. Именно там и собиралась она представить на всеобщее обозрение свои юные прелести, которые начали приобретать наконец вполне зрелые формы с пугающей, – по крайней мере, ее отца – быстротой. Я вполне мог залепить затрещину какому-нибудь прыщавому юнцу, осмелившемуся при всем честном народе бросать на мою дочь нежные взгляды. Когда она демонстрировала нам с Дейл свое бикини, я с некоторым смущением промямлил что-то относительно того, что

оно, мол, гм… не показалось ли оно ей чересчур открытым для девушки, которой только-только исполнилось четырнадцать? В ответ Джоан со свойственной ей прямотой заявила: «Ты бы посмотрел, папа, на то, которое я *не* купила». На том наш спор и закончился. Как после всего этого мог я объявить дочери, что наше путешествие в Мексику не состоится, так как я должен защищать человека, не вызывающего у меня симпатий, человека, которого обвиняют в особо жестоком убийстве своей жены, человека невиновного, как мне подсказывает моя интуиция («Никакой интуиции, – предостерегал меня Бенни, когда я уходил от него. – Только знание»), в то время как все улики указывают на его несомненную виновность.

К пятнице я все еще не решил, браться ли мне за защиту Джорджа Н. Харпера (как он просил меня) или посоветовать ему поискать другого адвоката, а может, просить суд назначить ему защитника. По расписанию этот уик-энд Джоан должна была проводить с матерью, но в последнюю минуту моя экс-супруга позвонила и предложила забрать дочь к себе на два уик-энда подряд, так как она, Сьюзен, приглашена в эту субботу на футбольный матч в Тампу и они с Артуром хотели бы провести там весь уик-энд, а домой вернуться в воскресенье поздно вечером. Так хочу я забрать Джоан?

Я не только *хотел бы* провести со своей дочерью два уик-энда подряд, я мечтал видеть ее около себя каждый Божий день. Точно так же я не возражал против неустанных поисков

Сьюзен очередных кандидатов на пост мужа. С одним из них она теперь встречалась и, очевидно, спала. Вероятно, ей просто необходимо рассказывать мне об этом. Несколько раньше, в начале года, она пережила короткий, но знойный роман с неким Джорджем Пулом – по общему мнению, самым богатым человеком в Калузе, который, по слухам, во время своих частых «деловых» поездок в Лос-Анджелес проявлял повышенный интерес к молоденьким актрисам из телесериалов. К марту накал страстей несколько упал и Сьюзен тут же информировала меня, что встречается с «очень милым человеком» по имени Артур Батлер, очевидно, именно с ним она и собиралась поехать на этот уик-энд в Тампу.

Как-то в минуту хорошего настроения Сьюзен удачно сострила, сказав, что Батлер не просто делает, что ему положено, но делает это на высоком профессиональном уровне и с завидной регулярностью. Не понимаю, почему Сьюзен не упускает случая напомнить мне о том, что она все еще желанна: я это знал, когда женился на ней, и продолжал так думать после нашего развода. (Не понимаю и того, почему чуть ли не все разведенные женщины занимаются продажей недвижимости, – Сьюзен не является исключением.) Я предпочел бы, чтобы она не рассказывала мне о своих разнообразных связях и знакомствах. Пока все это не причиняет вреда моей дочери, пока ее мамаша не лезет, так сказать, на рожон, мне, честно говоря, наплевать, как она распоряжается своей жизнью. Но *терпеть не могу* лицемерия.

Сьюзен строила планы, как проведет уик-энд с Артуром Батлером в Тампе, какое удовольствие доставит ей футбольный матч и, конечно, домашние спортивные игры. В ее курятнике, как сказал бы мой партнер Фрэнк, установлен такой порядок, но когда в ту пятницу я забрал Джоан после школы, первое, что услышал, было: «Мама не разрешит мне ехать в Мексику, если с нами поедет Дейл».

Но сначала несколько слов о моей дочери: Джоан – блондинка, голубоглазая, длинноногая, – одним словом, самая красивая девочка во всей Калузе, а может, и во всем штате Флорида, если не во всем мире. Она к тому же прекрасно учится. По крайней мере, по биологии у нее оценка «А», а на экзамене для мальчиков по геометрии она сумела получить «Б» с плюсом, – вопреки утверждению *некоторых* сексологов, что подобные предметы лучше бы оставить представителям сильного пола.

Зато Джоан очень слаба в английском и не умеет как следует даже сварить яйцо, она также проявляет полнейшее равнодушие к вязанию, плетению кружев, игре на клавесине, – одним словом, к тем чисто женским занятиям, которые входят в обязательный список добродетелей стопроцентных американок, славившихся своим умением вести домашнее хозяйство во времена Авраама Линкольна.

Джоан хочет стать нейрохирургом.

Она где-то вычитала, что один знаменитый хирург из Индианаполиса для тренировки пальцев завязывал одной рукой

узлы в спичечном коробке. Теперь, если мы с Джоан обедаем в ресторане, она просит официанта принести самый маленький спичечный коробок. Частенько, сидя на краю бассейна около дома, который я арендую, она упражняется в этом искусстве и одновременно читает «Психопатологию повседневной жизни» Фрейда. По ее мнению, Фрейд – «парень что надо».

И еще одно обстоятельство: Джоан просто обожает Дейл. Эта ее страстная влюбленность в Дейл для меня явилась полной неожиданностью. До появления Дейл у Джоан была репутация Медузы Горгоны, обращавшей в камень любую женщину, с которой я отваживался ее познакомить. Губительны были одни только ее прозвища, которыми она sotto voce[14] щедро одаряла этих несчастных, не подозревавших подвоха красоток. Одну она за глаза прозвала: «Надутая La Tour»,[15] потому что у той были замашки опереточной королевы; другая получила титул «Houdini Великая» только за то, что у бедной женщины вошло в привычку незаметно исчезать, как только на горизонте появлялась надутая физиономия Джоан; еще одну Джоан окрестила «El Dopo»,[16] потому что звали эту женщину Элеонор Даньелз, и эта Даньелз в один холодный октябрьский день совершила роковую ошибку, облачившись в свитер с вышитой на груди монограммой

---

[14] Сладким голосом (ит.).

[15] Башня (фр.).

[16] Полоумная (искаж. исп).

«Э.Д.» (в защиту своей дочери должен сказать, что Элеонор действительно *не блистала* умом). Горящий бездымным пламенем взгляд Джоан мог обратить в горстку пепла самых огнеупорных посягательниц на внимание ее бесценного папочки. Как-то она воспылала жгучей ревностью к женщине, приходившей два раза в неделю убирать в доме, той было за шестьдесят, но я имел несчастье в разговоре назвать ее «милой особой».

Электра и в подметки не годилась моей дочери. Но все это было до появления Дейл; за Дейл О'Брайен Джоан пошла бы на костер.

Итак, сейчас речь шла о том, что моя обожаемая экс-супруга не позволит Джоан ехать в Мексику, если с нами будет Дейл.

– Почему же это? – спросил я.

– Мама говорит, что я под ее опекой.

– Знаю. Какое это имеет отношение к…

– Мама говорит, что она несет ответственность за мои моральные устои.

– Это перебор.

– Что?

– «Устои» означают «нравственное воспитание». Твоя мать утверждает, что она несет ответственность за нравственность твоего нравственного воспитания?

– Понимай как хочешь. Она не позволит мне поехать, папа.

– А ты *хочешь* поехать?

– Ты что, шутишь? Я же мечтала об этом *столько месяцев!*

– Я тоже. Самое разумное – позвонить ей.

– Наверное, она уже уехала в Тампу, – сказала Джоан.

– Во всяком случае, попытаюсь.

Сьюзен «уже не уехала в Тампу». Когда я позвонил в ее дом, который когда-то был и моим, она еще укладывала вещи.

– В чем дело? – спросила она таким тоном, будто я был ее непослушным сыном, который ворвался в кухню, когда суфле еще сидело в духовке.

– Вот это *мне* как раз и хотелось выяснить, – сказал я.

– Ох, самое время разгадывать загадки, правда?

– Нет, самое время для вопросов и ответов. Что там такое с Джоан?

– Что значит: *«что том такое с Джоан»?*

– Ты ей сказала, что не разрешишь ехать со мной в Мексику?

– Ах, вот ты *о чем!*

– Да, Сьюзен, об этом.

– Если у тебя какие-то вопросы относительно опеки, обратись, пожалуйста, к моему адвокату. Я сейчас занята, и я…

– У меня нет ни малейшего желания звонить этому сладкоречивому пройдохе, которого…

– Уверена, Элиоту Маклауфлину приятно будет узнать, что ты считаешь его «сладкоречивым пройдохой».

– Ему это уже известно. К опеке все это не имеет никакого отношения, Сьюзен. Джоан провела с тобой пасхальные каникулы и будет с тобой на рождественских. Со *мной* она проведет День Благодарения. И поедет со мной в Мексику. Точка.

– Нет, если с тобой поедет эта рыжая.

– Если под «рыжей»…

– Ты прекрасно понимаешь, о ком я говорю.

– Ты имеешь в виду Дейл О'Брайен?

– Ах, ее *так* зовут? А я-то до сих пор считала, что Дейл – мужское имя.

– Сьюзен, прекрати.

– Что «прекратить»?

– Этот бред собачий о Дейл.

– Надеюсь, в присутствии Джоан ты не употребляешь таких выражений. Это грубо…

– Я пытаюсь объяснить тебе, что по закону ты не можешь помешать мне поехать с дочерью в любое, черт побери, место, куда я *захочу* ее повезти.

– Неужели? А как насчет «нанесения ущерба нравственным устоям несовершеннолетних»?

– Не говори чепухи.

– Везти в Мексику четырнадцатилетнего ребенка, где ты будешь прелюбодействовать с…

– *Прелюбодействовать?* Послушай, Сьюзен, средневековье с его лексикой в далеком прошлом…

– А как *ты* это назовешь, Мэттью? Ты будешь находиться в одном доме с Джоан и с этой, *как ее там*…

– Ее имя Дейл О'Брайен.

– Целых четыре дня, Джоан ничего не напутала? Четыре дня на маленькой уютной вилле Сэма Торна. В одной спальне ты с этой рыжей в полной отключке, а за дверью напротив Джоан…

– Моя личная жизнь не имеет никакого…

– Я бы сказала – общественная.

– На вилле Сэма четыре спальни, у Джоан будет своя собственная…

– Как мило со стороны Сэма предоставить все удобства тебе и твоей девке.

– *Должно быть,* средневековье все же вернулось! Мне не приходилось слышать слово «девка»…

– А как ты *предпочитаешь* называть ее, Мэттью?

– А как ты называешь Артура Батлера?

– Как бы я ни называла Батлера, это между…

– А где ты будешь спать с *ним* в этот уик-энд?

– Это не *твое* дело. И, между прочим, Джоан не едет с нами.

– Разве?

– Что??

– Я сказал: разве Джоан не едет с вами?

– Что это должно означать?

– Это должно означать, что я привезу ее к тебе прямо сию

минуту. Верну под твою *опеку,* дорогая. Чтобы ты была на страже ее *нравственных устоев.*

– Что??

– Я сказал…

– Ты мне сказал, что этот уик-энд Джоан может провести с *тобой…*

– Это было до того, как ты устроила всю эту заваруху с Мексикой. Я застану тебя дома через десять минут? Мне не хотелось бы, чтобы Джоан вернулась в пустой дом. Наверное, будет не очень здорово выглядеть, когда я потребую признать недействительным твое право на опеку.

– Что?

– Позволь мне объяснить тебе кое-что, Сьюзен. Во-первых: мы разведены, мне совершенно ни к чему вторгаться в твою личную жизнь. И убедительно прошу тебя держаться подальше от моей. Во-вторых: у меня не вызывают восторга эти визгливые споры по телефону. Гнев – одна из форм близости, *а я не хочу* никакой близости с тобой. И наконец: у тебя есть выбор. Или Джоан на следующей неделе поедет со мной в Мексику, как она и собиралась, или же я, как только повешу трубку, посажу ее в машину и доставлю к тебе. Тогда тебе придется решать, хочешь ли ты остаться на этот уик-энд дома, или возьмешь ее с собой в Тампу, где будешь «заниматься прелюбодеянием», если пользоваться твоей лексикой, с мужчиной по имени Артур Батлер. Такие действия суд может определить как «недостойное поведение» женщины,

под опекой которой находится четырнадцатилетний подросток.

– Это шантаж, – прорычала Сьюзен.

– Пусть так, что ты решила? Поедет Джоан со мной в Мексику или с тобой в Тампу? Или на этот уик-энд ты останешься здесь, в Калузе? Уверен, твоему дружку удастся подыскать тебе замену, чтобы не пропали билеты на футбол…

– Сукин сын, – сказала Сьюзен.

– Решай.

– Забирай ее в Мексику.

– Спасибо.

– *Поганый* сукин сын, – повторила она и повесила трубку. У меня было такое ощущение, будто я только что с блеском выиграл дело в Верховном суде страны.

Как это ни покажется странным, но именно моя дочь Джоан помогла мне принять решение относительно Джорджа Н. Харпера. После бурного взрыва радости при известии, что мать «пересмотрела» свои позиции и разрешила ей поехать в Мексику, Джоан почти тотчас же погрузилась в глубокую задумчивость, из чего я заключил, что голова ее занята чем-то гораздо более важным. Я уже давно усвоил, что нет смысла проявлять излишнее любопытство, пока Джоан размышляет над какой-то проблемой. Если у нее возникнет желание поделиться со мной, если ей понадобится мой совет или утешение, она в конце концов сама расскажет мне обо всем, часто совершенно неожиданно, как и произошло в тот вечер

после обеда.

Даже в самые жаркие месяцы к вечеру в Калузе заметно холодает. А ноябрь – далеко не лучший месяц в году, хотя последние недели мы наслаждались блаженным теплом и безоблачно-ясным небом. Трудно представить, что дружки-приятели моего партнера Фрэнка мерзнут в это время в Нью-Йорке при десятиградусном морозе. Сегодня вечером у нас в доме было прохладно. Включив обогреватель, я налил себе коньяк, когда Джоан, без всякой предварительной подготовки, вдруг сказала:

– Как, по-твоему, Хитер – потаскушка?

На мгновение я опешил, судорожно вспоминая, кто же такая эта Хитер. Еще в те далекие времена, когда Джоан ходила в детский садик, в доме постоянно появлялись юные леди, все как одна с изысканно-вычурными именами: Ким, Дарси, Грир, Аллис (с двумя «л»), Кандейс, Эрика, Стейси, Кристал и… да, кажется, Хитер. Мне порой приходило в голову: а куда же подевались нормальные старомодные имена вроде Мери, Джин, Джоан, Нэнси, Алиса (с одним «л») и Бетти?

– Хитер? – переспросил я.

– Да, Хитер.

Я с трудом вспомнил пухленькую девчушку с мышиного цвета волосами и темно-карими глазами, которая, по крайней мере в возрасте лет шести, имела пренеприятную привычку проливать потоки слез каждый раз, как ей предлагали переночевать в нашем доме. Мне никак не удавалось

представить эту рыдающую малышку в том образе, который возникает при слове «потаскушка». Это подозрительная личность, которая подпирает угол дома, помахивает атласной сумочкой и зазывающе подмигивает проходящим мужчинам, предлагая им поразвлечься.

– Все говорят, что она – потаскушка, – заявила Джоан.

– Кто – эти «все»?

– Все.

На языке Джоан «все» означало – все девочки восьмого класса.

– А ты сама как думаешь? – спросил я.

– Ну, она, может, и приударяет кой за кем, так что из этого? И остальные – тоже.

На языке Джоан «приударять» означало – быть в дружеских отношениях с существом противоположного пола; «все остальные» – группа не по летам развитых девиц.

– Только не я, – поспешно добавила моя дочь, усмехнувшись, но тут же посерьезнела. – Дело совсем не в том, потаскушка она или нет, просто мне не нравится, когда о ней говорят, что она – потаскушка, а наверняка ничего не знают, – вот я о чем.

– Эта Хитер – твоя близкая подружка?

– Совсем нет.

– Но все же подружка?

– Вообще-то говоря, совсем даже не «подружка». Понимаешь, мы просто здороваемся при встрече, вот и все. Видишь

ли, она не очень-то привлекательная, пап. Она толстая и… ну, в таком заведении, как «Святой Марк», куда так трудно попасть, пусть даже это и не «Бедлоу», к ней относятся как к дурочке. А уж как она разговаривает! Жуть как ругается, даже больше других девчонок, – в «Святом Марке» этим никого не удивишь, ругаются почем зря, только и слышишь: «дерьмо», «сучка», «трахаться», «ссать», – это все нормально, понимаешь? Но Хитер уж слишком *перебарщивает,* как будто старается всем доказать, какая она *взрослая,* понимаешь, что я хочу сказать?

Я еще не пришел в себя от потока ругательств, мимоходом вставленных в рассказ моей четырнадцатилетней дочерью.

– Папа? – позвала она.

– Угу.

– Понимаешь, что я хочу сказать?

– Конечно, она…

– Она просто из тех, кто занимается показухой, понимаешь меня?

– Угу.

– Но ведь от этого она не стала потаскушкой, верно?

– Необязательно.

– Я хочу сказать, даже если она и встречается кой с кем, – ведь наверняка никто ничего не знает.

– А «кой с кем» – это сколько же?

– Ну… не с одним мальчиком. Не только с тем мальчиком, с которым встречается постоянно, может, с двумя или

с тремя. Или даже с четырьмя.

– Понятно. – Я не отважился спросить, что же в таком случае означает: «с кем попало».

– Пап? С тобой все в порядке?

– Да, я в полном порядке, – ответил я.

– Так ее все бойкотируют, как какую-то… парию. Так?

– Так.

– Ага, парию. Пусть она *не такая* шикарная, как некоторые девчонки, пусть все время ругается и всякое такое, – это же еще не повод обращаться с ней так, будто она – ничтожество, правда? Или называть ее за глаза потаскушкой, а иногда и прямо в лицо. Гарланд сегодня прямо при всех назвала ее потаскушкой.

– Гарланд.

– Ага. Гарланд Мак-Грегор. Ты ведь знаешь Гарланд, она как-то ночевала у нас.

– Помню, Гарланд.

– Которая, кстати сказать, вовсю приударяла за мальчиками, когда ей было еще тринадцать. Гарланд, я имею в виду. За этим мальчишкой из «Бедлоу», пусть даже он и *вправду* был потрясный. Я прямо чуть не разревелась, когда сегодня это случилось, – когда Гарланд прямо в лицо назвала Хитер потаскушкой. Я хочу сказать, *она* ведь не кукла, она переживает, правда? Я про Хитер.

– Да, дорогая, она тоже переживает, – согласился я.

– В понедельник подойду к ней и посоветую не обращать

внимания на всех этих задниц, пусть себе болтают, что хотят.

– Прекрасно, – одобрил я.

– Как, по-твоему, я правильно решила? Ты понимаешь, ведь она мне даже *не нравится;* пап. И допустим… ну… она на самом деле потаскушка, как все говорят?

– Но ты же в этом не уверена?

– Нет.

– И другие не знают наверняка.

– Это точно: наверняка они не знают, папа.

– Что же, тогда ты права.

– Да, и мне так кажется, – согласилась Джоан.

К этому времени я твердо решил взять на себя защиту интересов Джорджа Н. Харпера.

Глава 4

В разделе 905.17 законов штата Флорида ясно указано, кто имеет право присутствовать в зале во время заседания Большого жюри: «На заседании Большого жюри имеют право присутствовать: свидетель, которого допрашивают, окружной прокурор и его помощник, лица, предусмотренные в пункте 27.18: судебный писец или стенографист и переводчик».

Такой порядок может показаться несправедливым по отношению к обвиняемому, но на самом деле обвиняемый может отказаться давать свидетельские показания, если таково его решение, а если его вызовут для дачи показаний (при условии, что он даст согласие), ему должны тотчас же снова зачитать его права, и он в любой момент может прервать допрос, чтобы с глазу на глаз проконсультироваться со своим адвокатом, который ожидает его за дверями зала заседаний.

В понедельник утром 23 ноября я ждал в коридоре суда, а Джордж Харпер в это время в зале судебных заседаний выслушивал свидетельские показания доктора, который проводил вскрытие тела Мишель; служащего заправочной станции, который продал Харперу пустую пятигаллоновую канистру, а затем по его просьбе наполнил ее бензином; сотрудника лаборатории, который обнаружил отпечатки пальцев Харпера на канистре; офицера полиции, который пока-

зал под присягой, что утром 16 ноября принял от Мишель жалобу на жестокое обращение с ней мужа; рыбака, без колебаний опознавшего в Харпере человека, которого он видел в ту же ночь на пляже острова Уиспер, когда этот черный избивал белую женщину. Харпер ни разу не вышел ко мне в коридор за помощью или советом, так как я запретил ему давать показания.

Большое жюри закончило слушание окружного прокурора и его свидетелей в 10.15 и удалилось на совещание. Когда Харпер вышел ко мне в коридор, я спросил:

– Как дела?

– Меня хотят поджарить, – ответил он.

– Ладно, посмотрим. Мы ведь еще не знаем, *как* проголосует Большое жюри, верно?

– И в какую копеечку мне это выльется? – спросил Харпер.

– Мы обсудим этот вопрос позднее.

– Я не богатей. Мне неохота сидеть по уши в долгах, пока я не сдохну.

– Обещаю, что этого не случится.

– А как с этим, *другим* законником, про которого вы говорили, ну с тем, что собирались взять себе на помощь? В какую копеечку *он* мне обойдется?

– Для начала мне предстоит его найти.

– Вы скажите ему, что я не богатей.

– Не беспокойтесь, скажу.

* * *

В 11.15 обвинительный акт был утвержден и подписан председателем суда: окружной прокурор получил предписание готовить обвинительное заключение против Харпера в убийстве первой степени без смягчающих вину обстоятельств. Джорджа Харпера отвезли в окружную тюрьму, а я отправился на встречу с Джеймсом Уиллоби, адвокатом по уголовным делам, который когда-то работал в отделе окружного прокурора, а затем занялся частной практикой в фирме «Петерсон, Полинг и Меррит», которую в Калузе называют «Петер, Пол и Мери».

Уиллоби было чуть больше сорока, у него хитрое выражение лица и голубые глаза, умные и проницательные, – это единственный адвокат, который, – если верить прогнозам юридических кругов нашего города, – мог бы со временем занять место Бенни Фрейда и возглавить группу адвокатов по уголовным делам. В отличие от Бенни Уиллоби делился со своими подзащитными сведениями о том, каким образом окружной прокурор – его прежний работодатель – подготавливает дела. Он охотно распространял при каждом удобном случае эту секретную информацию, движимый неослабным желанием унизить своего прежнего хозяина. («Этого сукина сына», как издевательски называл его Уиллоби.) По уверениям Уиллоби, окружной прокурор всячески пакостил ему

и не давал продвинуться на государственной службе, потому что опасался, как бы в один прекрасный день Уиллоби не лишил его парламентского мандата на выборах. С неутомимостью терьера, преследующего крысу, Уиллоби не оставлял в покое отдел окружного прокурора и получал громадное удовольствие, разбивая в пух и прах дело, старательно подготовленное каким-нибудь обвинителем, «этим сукиным сыном», – будь то убийство, отравление, поджог, вооруженное нападение или просто нарушение общественного порядка. Такой человек мне как раз и был нужен.

– Только я не желаю, чтобы вы сели в лужу, – заявил он мне сразу же.

– О чем вы?

– О том, что возьмусь за это дело только в том случае, если пообещаете не путаться у меня под ногами. Не хочу проиграть этому сукину сыну только из-за того, что какой-то адвокат, занимающийся недвижимостью…

– Я не веду дел по вопросам недвижимости.

– У вашей фирмы уйма дел, связанных с урегулированием вопросов недвижимости.

– Наша фирма также ведет дела…

– Но вы ведь не занимаетесь уголовными преступлениями?

– Нет, но…

– Выступление защиты закончено, – прервал меня Уиллоби и, ухмыльнувшись, – издевательски, как мне показа-

лось, – развел руками. – Откровенно говорю вам, Мэттью: как бы уважительно ни относился я к вашему опыту в самых разных областях законодательства, не позволю вам путаться под ногами там, где на карту поставлена жизнь человека.

– Именно по этой причине я и обратился к вам, – возразил я. – Совсем необязательно читать мне нотации.

– Извините, я и не думал читать нотаций.

– Я прекрасно осознаю пределы своих возможностей.

– Тогда все в порядке. Просто не забывайте, что вы играете на моем поле.

– Это понятно, – заверил его я. – Больше того: если вы возьметесь за это дело и будет согласие моего клиента, я совсем выйду из игры.

– Нет, нет, – поспешно возразил Уиллоби.

– Почему же «нет»?

– Из того, что вы рассказали, ясно, что у вашего клиента за душой ни гроша…

– Да нет же, он вполне платежеспособен. У него собственное дело по сбору и продаже подержанных вещей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.